

Алигьери Данте

Новая жизнь

Original:

[La Vita nuova](#)

1295

Новая жизнь — сборник произведений, написанных [Данте Алигьери](#) в 1283 — 1293 гг.

Написана в форме прозиметрума — чередующихся фрагментов стиха и прозы.

Ebook: <http://originalbook.ru>

Новая жизнь. Данте Алигьери

I

В этом разделе книги моей памяти, до которого лишь немного заслуживает быть прочитанным, находится рубрика, гласящая: "Incipit vita nova". Под этой рубрикой я нахожу слова, которые я намерен воспроизвести в этой малой книге, и если не все, то по крайней мере их сущность.

II

Девятый раз после того, как я родился, небо света приближалось к исходной точке в собственном своем круговращении, когда перед моими очами появилась впервые исполненная славы дама, царящая в моих помыслах, которую многие -- не зная, как ее зовут,-- именовали Беатриче. В этой жизни она пребывала уже столько времени, что звездное небо передвинулось к восточным пределам на двенадцатую часть одного градуса. Так предстала она предо мною почти в начале своего девятого года, я уже увидел ее почти в конце моего девятого. Появилась облаченная в благороднейший кроваво-красный цвет, скромный и благопристойный, украшенная и опоясанная так, как подобало юному ее возрасту. В это мгновение -- говорю поистине -- дух жизни, обитающий в самой сокровенной глубине сердца, затрепетал столь сильно, что ужасающе проявлялся в малейшем биении. И, дрожа, он произнес следующие слова: "Ecce deus fortior me, qui veniens dominabitur mihi". В это мгновение дух моей души, обитающий в высокой горнице, куда все духи чувств несут свои впечатления, восхитился и, обратясь главным образом к духам зрения, промолвил следующие слова: "Apparuit iam beatitudo vestra". В это мгновение природный дух, живущий в той области, где совершается наше питание, зарыдал и, плача, вымолвил следующие слова: "Neu miser, quia frequenter impeditus ero deinceps". Я говорю, что с этого времени Амор стал владычествовать над моею душой, которая вскоре вполне ему подчинилась. И тогда он осмелел и такую приобрел власть надо мной благодаря силе моего воображения, что я должен был исполнять все его пожелания. Часто он приказывал мне отправляться на поиски этого юного ангела; и в отроческие годы я уходил, чтобы лицезреть ее. И я видел ее, столь благородную и достойную хвалы во всех ее делах, что, конечно, о ней можно было бы сказать словами поэта Гомера: "Она казалась дочерью не смертного, но Бога". И хотя образ ее, пребывавший со мной неизменно, придавал смелости Амору, который господствовал надо мною, все же она отличалась такой благороднейшей

добродетелью, что никогда не пожелала, чтобы Амор управлял мною без верного совета разума, в тех случаях, когда совету этому было полезно внимать. И так как рассказ о чувствах и поступках столь юных лет может некоторым показаться баснословным, я удаляюсь от этого предмета, оставив в стороне многое, что можно было извлечь из книги, откуда я заимствовал то, о чем повествую, и обращаюсь к словам, записанным в моей памяти под более важными главами.

III

Когда миновало столько времени, что исполнилось ровно девять лет после упомянутого явления Благороднейшей, в последний из этих двух дней случилось, что чудотворная госпожа предстала предо мной облаченная в одежды ослепительно белого цвета среди двух дам, старших ее годами. Проходя, она обратила очи в ту сторону, где я пребывал в смущении, и по своей несказанной куртуазности, которая ныне награждена в великом веке, она столь доброжелательно приветствовала меня, что мне казалось -- я вижу все грани блаженства. Час, когда я услышал ее сладостное приветствие, был точно девятым этого дня. И так как впервые слова ее прозвучали, чтобы достигнуть моих ушей, я преисполнился такой радости, что, как опьяненный, удалился от людей; уединясь в одной из моих комнат, я предался мыслям о куртуазнейшей госпоже. Когда я думал о ней, меня объял сладостный сон, в котором мне явилось чудесное видение. Мне казалось, что в комнате моей я вижу облако цвета огня и в нем различаю обличье некого повелителя, устрашающего взоры тех, кто на него смотрит. Но такой, каким он был, повелитель излучал великую радость, вызывавшую восхищение. Он говорил о многом, но мне понятны были лишь некоторые слова; среди них я разобрал следующие: "Ecce dominus tuus". В его объятиях, казалось мне, я видел даму, которая спала нагая, лишь слегка повитая кроваво-красным покрывалом. Взглянув пристально, я в ней узнал госпожу спасительного приветствия, соизволившую приветствовать меня днем. И в одной из рук своих, казалось мне, Амор держал нечто объятое пламенем, и мне казалось, что он произнес следующие слова: "Vide cor tuum". Оставаясь недолго, он, казалось мне, разбудил спящую и прилагал все силы свои, дабы она ела то, что пылало в его руке; и она вкушала боязливо. После этого, пробыв недолго со мной, радость Амора претворилась в горькие рыдания; рыдая, он заключил в свои объятия госпожу и с нею -- чудилось мне -- стал возноситься на небо. Я почувствовал внезапно такую боль, что слабый мой сон прервался и я проснулся. Тогда я начал размышлять о виденном и установил, что час, когда это видение мне предстало, был четвертым часом ночи: отсюда ясно, что он был первым из

последних девяти ночных часов. Я размышлял над тем, что мне явилось, и наконец решился поведать об этом многим из числа тех, кто были в это время известными слагателями стихов. И так как я сам испытал свои силы в искусстве складывать рифмованные строки, я решился сочинить сонет, в котором приветствовал бы всех верных Амору, прося их высказать то, что думают они о моем видении. И я написал им о сне. Тогда я приступил к сонету, начинающемуся: "Влюбленным душам..."

Влюбленным душам посвящу сказанье,
Дабы достойный получить ответ.
В Аморе, господине их, -- привет! -
Всем благородным душам шлю посланье.
На небе звезд не меркнуло сиянье,
И не коснулась ночь предельных мет -
Амор явился. Не забыть мне, нет,
Тот страх и трепет, то очарованье!
Мое, ликуя, сердце он держал.
В его объятьях дама почивала,
Чуть скрыта легкой тканью покрывал.
И, пробудив, Амор ее питал
Кровавым сердцем, что в ночи пылало,
Но, уходя, мой господин рыдал.

Этот сонет делится на две части: в первой я шлю приветствие, испрашивая ответа, во второй указываю, на что я жду ответа. Вторая часть начинается: "На небе звезд не меркнуло сиянье..."

Мне ответили многие, по-разному уразумевшие мой сонет. Мне ответил и тот, кого я назвал вскоре первым своим другом. Он написал сонет, начинающийся: "Вы видели пределы упованья..." Когда он узнал, что я тот, кто послал ему сонет, началась наша дружба. Подлинный смысл этого сна тогда никто не понял, ныне он ясен и самым простым людям.

IV

С тех пор как мне предстало это видение, мой природный дух оказался стеснен в своих проявлениях, так как душа моя была погружена в мысли о Благороднейшей. Таким образом, по прошествии краткого времени я стал слабым и хилым, так что многим моим друзьям было тяжело смотреть на меня, а иные, полные зависти и любопытства, стремились узнать то, что я хотел скрыть ото

всех. Но я, заметив недоброжелательность их вопросов, по воле Амора, руководившего мною сообразно с советами разума, отвечал им, что тот, кем я столь измучен,-- Амор. Я говорил об Аморе, так как на лице моем запечатлелось столько его примет, что скрывать мое состояние было невозможно. А когда меня спрашивали: "Из-за кого тебя поражает этот Амор?" -- я смотрел на них, улыбался и ничего не говорил им.

V

Однажды Благороднейшая пребывала в том месте, где раздавались похвалы преславной королеве небес, я же был там, откуда мог лицезреть блаженство моих дней. Между нами по прямой линии, идущей от нее ко мне, сидела некая благородная дама весьма приятной наружности. Она часто смотрела на меня, удивленная взглядами, которые, казалось, устремлялись к ней. Тогда многие заметили ее взоры, и столь привлекла она на себя внимание, что, удаляясь, я слышал, как люди говорили за моей спиной: "Посмотри, как он терзается из-за этой дамы". Они называли ее по имени, и я понял, что говорили они о той, которая находилась посреди линии, исходившей от Благороднейшей Беатриче и кончавшейся моими глазами. Тогда я вполне успокоился, убедившись, что взгляд мой не открыл другим тайны моей в этот день. С тех пор я решил, что эта дама будет моей завесой, скрывающей истину, и столь в этом преуспел в течение краткого времени, что многие обо мне говорившие полагали, что знают тайну мою. Благодаря этой даме месяцы и годы скрывал я мои помыслы. И чтобы заставить других в это поверить, я написал для нее несколько малых стихотворений, из которых достойны быть упомянутыми здесь лишь те, которые относятся к Беатриче; поэтому я оставляю их в стороне, за исключением того небольшого, что может послужить для прославления Благороднейшей.

VI

Я говорю, что в то время, как эта госпожа служила завесой великой любви, мною завладевшей, я решился упомянуть имя Благороднейшей в окружении имен многих дам, и особенно благородной госпожи, о которой я говорил. И я избрал имена шестидесяти самых красивых дам того города, где моя дама родилась по воле Всевышнего, я сочинил послание в форме сирвентезы, которое я здесь приводить не буду. И я совсем бы не упомянул о нем, если бы в этом послании имя моей дамы не соблаговолило чудесно прозвучать среди других имен на девятом месте.

VII

Дама, благодаря которой я так долго скрывал мою любовь, должна была покинуть упомянутый город и отправиться в дальние края. Удрученный тем, что лишаюсь столь прекрасной защиты, я ощутил скорбь, неожиданную мною. И, полагая, что, если я не буду говорить об отъезде этой дамы с горестью, люди раньше догадаются о том, что я скрываю, я решился сочинить "жалобу" в форме сонета. Этот сонет я привожу, ибо дама моя была непосредственной причиной многих слов, в нем заключенных, как это очевидно всем, способным его понять. Тогда я произнес следующий сонет, начинающийся: "О вы, идущие..."

О вы, идущие любви путями,
Молю, взгляните сами,
На свете есть ли муки тяжелей?
Задумайтесь над этими словами -
Узнаю вместе с вами,
Где ключ во мне к обители скорбей.
Амор-владыка осветил лучами
И одарил дарами
Меня не по заслугам; так я жил.
И за моими слышал я плечами:
"Какими он делами
Такую легкость сердца заслужил?"
Я утерял бывшее дерзновение,
Что возбудил моей любви тайник.
Не выразит язык
Мое несчастье и мое томленье.
И я -- как тот, кто головой поник,
Скрывая взора скорбного смущенье,
Вы радости волненье
Лишь видите -- я скорбь таить привык.

Сонет заключает в себе две части: в первой я обращаюсь к верным Амору словами пророка Иеремии: "O vos omnes, qui transitis per viam, attendite et videte, si est dolor sicut dolor meus", равным образом я прошу их приклонить ухо к словам моим. Во второй части я рассказываю о том, в какое состояние привел меня Амор, но понимая это состояние иначе, чем явствует из конца сонета; я говорю также о том, что мною утеряно. Вторая часть сонета начинается: "Амор-владыка..."

VIII

После отъезда этой благородной дамы повелителю ангелов было угодно призвать ко славе своей юную даму благородного облика, которая была всем дорога в упомянутом городе. Я видел, как возлежит ее бездыханное тело, жалостно оплакиваемое многими дамами. Тогда я вспомнил, что видел усопшую в обществе Благороднейшей, и не смог удержаться от слез; пребывая в слезах, я решил сказать несколько слов о ее смерти в воздаяние за то, что я видел ее некогда с моею дамой. Этого предмета я коснулся в последней части слов, мною сложенных, как это ясно тем, кто умеет слышать. Я написал два сонета; первый начинается: "Амор рыдает...", а второй: "О неприятельница сострадания..."

Амор рыдает, и рыдать должны
Влюбленные. Причину слез узнают:
Здесь дамы к милосердию взывают,
И скорбью очи их поражены.
Краса и молодость погребены
Презренной смертью. Все, что восхваляют
На этом свете, пелены скрывают;
И сердца тайники обнажены.
Любви владыка даме честь воздал,
И было истинно его явленье.
Амор, склонясь над дамой, плакал сам,
Но, взор свой обращая к небесам,
Благой души узрел он вознесенье;
И лик усопшей радостью сиял.

Первый сонет делится на три части: в первой я призываю верных Амору и побуждаю их к плачу, ибо сам владыка их рыдает. Я говорю также, что они узнают причину слез, чтобы убедить их выслушать меня; во второй части я повествую об этой причине; в третьей я говорю о чести, которую Амор воздал даме. Вторая часть начинается: "...здесь дамы...", третья: "Любви владыка..."

О неприятельница сострадания,
Мать древняя страдания,
О смерть, неумолимый судия!
В тебе -- вся скорбь земного бытия.
Иду, задумчив, я,

Уста устали клясть твои прозванья.
Твои нарушил я очарованья.
Поведаю деянья
Преступные, ничто не утая,
Дабы вина открылась всем твоя.
В сердца печаль лия,
Я вновь влюбленных вызову рыданья.
Куртуазии высшее стремленье
И добродетель покидают свет.
Беспечность юных лет
Изгнало древней смерти дерзновенье.
Вы видели блаженное успенье.
Но кто она? Что всем скажу в ответ?
Услышит тот ее привет,
Кто в грешном мире обретет спасенье.

Сонет разделен на четыре части: в первой я называю смерть теми именами, которые она заслужила; во второй, обращаясь к ней, я говорю о причине, заставившей меня ее проклинать; в третьей я ее хую; в четвертой я обращаюсь к неопределенному лицу, хотя в мыслях моих я знаю, кто это. Вторая начинается: "В тебе -- вся скорбь..."; третья: "Поведаю деянья..."; четвертая: "Услышит тот..."

IX

После смерти юной дамы, по прошествии нескольких дней, случилось, что я должен был покинуть упомянутый город и уехать в тот край, где пребывала благородная дама, бывшая моей защитой. Место, куда я направлялся, не было столь удалено, как то, где она находилась. Это путешествие было тягостно для меня, ибо я удалялся от моего блаженства, и вздохи не в силах были рассеять печаль моего сердца, хотя я был не один, а в обществе многих. Тогда в моем воображении появился пресладостный владыка, который управлял мною силою добродетели благороднейшей дамы. Предстал как пилигрим, облаченный в убогие одежды. Он казался мне смущенным и смотрел в землю. Лишь порой взоры его обращались к реке, прекрасной, быстрой, прозрачной, протекавшей вдоль моего пути. И мне показалось, что Амор звал меня и что он произнес следующие слова: "Я прихожу от дамы, столь долго бывшей твоей защитой. Она вернется не скоро. Поэтому сердце твое, к ней обращенное по моему велению, я взял и понесу его другой даме, которая станет твоей защитой, подобно тому как ею была отсутствующая". И он назвал ее по имени, так что я хорошо понял, кто

была она. "Все же, если ты захочешь выразить то, что я поведал,-- продолжал он,-- скажи так, чтобы невозможно было различить кажущуюся твою любовь к одной от подобной же любви к другой". Когда он произнес эти слова, видение мгновенно исчезло, ибо Амор проник в меня с такой силой, что слил свою сущность с моею. С изменившимся лицом, погруженный в раздумья, я весь день скакал на коне, часто вздыхая. По прошествии дня я сочинил сонет на этот случай, начинающийся: "Позавчера..."

Позавчера я на коне скакал,
Задумавшись, исполненный тревоги.
И мне Амор явился средь дороги,
В одеждах легких странника предстал.
Как будто бы господство утерял,
Смирennemудрый, грустный и убогий,
Склонив главу, покинул он чертоги,
И, мнилось мне, людей он избегал.
По имени окликнул он меня
И мне сказал: "Тот край я посетил,
Где повелел, чтоб сердце пребывало.
Ты обретишь иное покрывало".
И столь с моей своею он сущность слил,
Что вдруг исчез -- но как? -- в сиянье дня.

Сонет разделен на три части: в первой я сообщаю, когда я узрел на своем пути Амора и в каком облике он мне явился; во второй передано то, что он мне сказал, хоть и не полностью, из страха открыть мою тайну; в третьей я говорю, как он исчез от взоров моих. Вторая часть начинается: "По имени..."; третья: "И столь..."

Х

После моего возвращения я искал случая увидеть даму, которую мой владыка назвал мне на пути воздыханий. Боясь быть многословным, скажу лишь, что вскоре мне удалось сделать ее моей защитой в такой степени, что многие говорили об этом, нарушая границы благопристойности, и это меня весьма огорчало. Из-за невозддержанных толков, казалось порочивших меня, Благороднейшая, будучи разрушительницей всех пороков и королевой добродетели, проходя, отказала мне в своем пресладостном привете, в котором заключалось все мое блаженство. И, несколько удаляясь от того, что я хочу поведать, я объясню, какое благотворное влияние ее приветствие имело на меня.

XI

Я говорю, что, когда она появлялась где-либо, благодаря надежде на ее чудесное приветствие у меня не было больше врагов, но пламя милосердия охватывало меня, заставляя прощать всем меня оскорбившим. И если кто-либо о чем-либо спрашивал меня, ответ мой был единственным: "Любовь", а на лице моем отражалось смирение. И когда она собиралась приветствовать меня, дух любви, ниспровергая всех других духов чувств, изгонял ослабевших духов зрения, говоря им: "Идите оказать честь вашей даме", а сам занимал их место. И тот, кто хотел бы познать природу Амора, мог бы легко проникнуть в его сущность, наблюдая содрогание моих очей. Когда же Благороднейшая спасла меня своим спасительным приветствием, Амор не в силах был скрыть завесой нестерпимое блаженство, но приобретал такие свойства, что тело мое, вполне ему подчиненное, двигалось порой как нечто тяжелое и неодушевленное. Отсюда ясно, что в ее приветствии заключалось мое блаженство, переполнявшее меня и превышавшее нередко мою способность восприятия.

XII

Возобновляя мое повествование, скажу, что после того, как мне было отказано в блаженстве, меня охватила такая скорбь, что, удалясь от людей, я орошал землю горчайшими слезами. А когда источник слез иссяк, я затворился в своей комнате, где предался жалобам и песням, не боясь быть услышанным кем-либо. Тогда я призвал милосердие Дамы Куртуазии, и, говоря: "Амор, помоги твоему верному", я заснул в слезах, как побитый ребенок. Почти посреди моего сна мне показалось, что в комнате моей рядом со мной сидит юноша, облаченный в белоснежные одежды. Взгляд его был задумчив, и он смотрел туда, где я лежал. И, глядя на меня в продолжение некоторого времени, он, показалось мне, позвал меня и, вздыхая, произнес следующие слова: "Fili mi, tempus est ut praetermittantur simulacra nostra". Тогда мне показалось, что мне известно, кто он, ибо он назвал меня так, как часто именовал в моих снах. И когда я смотрел на него, мне показалось, что он плачет жалостно и ожидает, что я заговорю. И, осмелев, я сказал ему: "Владыка благородства, почему плачешь ты?" Он отвечал: "Ego tamquam centrum circuli, cui simili modo se habent circumferentiae partes; tu autem non sic". Я раздумывал над его словами, и мне показалось, что говорит он очень непонятно. Заставив себя заговорить, я сказал ему: "Почему, владыка, речи твои столь темны?" Он обратился тогда ко мне на народном языке: "Не спрашивай больше, чем следует". Тогда я заговорил о приветствии, в котором мне было отказано, и стремился узнать причину этого. Он ответил мне так: "Наша Беатриче

услышала от некоторых лиц, о тебе говоривших, что ты досаждаешь даме, имя которой я назвал тебе на пути воздыханий. Благороднейшая, будучи противницей всего недостойного, не удостоила твою особу приветствия, опасаясь, что ты принадлежишь к числу недостойных людей. И так как на самом деле твоя тайна отчасти ей известна -- по длительности опыта,-- я желаю, чтобы ты сложил рифмованные строки, в которых была бы показана та власть, которую приобрел я над тобой по ее милости. Ты скажешь ей о том, что был ей верен с детских лет. Призови в свидетели знающих об этом, которых ты просишь заверить ее в правдивости твоих слов, и я, будучи твоим свидетелем, с радостью обращусь к ней. Тогда она почувствует твою любовь и узнает цену слов тех, кто на тебя клеветает. Сложи слова так, чтобы они изъяснили ей твои мысли, но не обращай к ней прямо, что не приличествует, и не посылай их туда, где они могли бы прозвучать в мое отсутствие, но укрась их сладостной гармонией, в которой я появлюсь каждый раз, когда необходимо". Сказав эти слова, он исчез, и сон мой прервался. Вспоминая, я понял, что видение это предстало мне в девятый час дня. И, не покидая своей комнаты, я решился сочинить баллату, следуя советам моего владыки. Тогда я написал следующие строки, начинающиеся: "Баллата, ты любви отыщешь Бога..."

Баллата, ты любви отыщешь Бога,
С Амором вместе к даме ты пойдешь,
Ты оправдание мое поешь,-
Открыта вам заветная дорога.
Столь благороден твой легчайший путь,
Что даже без защиты
Могла б идти уверенно одна,
Но, чтоб с дороги правой не свернуть,
Амора вновь найди ты.
Лишь с ним ты беспечальна и вольна;
Ведь госпожу, что внять тебе должна,
Прогневал я, быть может, о баллата.
Одна ты будешь робостью объята,
Останешься у милого порога.
С Амором так гармонию сложив,
О милости просите.
Затем прекрасной даме скажешь ты:
"Он снисхожденья ждет, лишь вами жив,
О соблаговолите

Услышать! Властью вашей красоты
Его лица изменены черты.
Словам Амора следуя порою,
Он, кажется, любит другую,
Но в сердце та же верность и тревога".
Скажи: "Он в сердце верность вам хранил
И с нею добродетель.
И служит мысль его лишь вам одной.
Он с детства вашим, не колеблясь, был -
Мне Бог любви свидетель,
Коль презрете правдивый голос мой!"
Покорствуя, к ней обратись с мольбой,
Но если не испросишь ты прощенья,
Пусть умереть пошлет мне повеленье,
И смерти не отвергну я чертога.
Ты сострадания скажи ключу:
"Я вас оставить смею.
Доверья полон он к словам моим.
Вот отзвучала музыка -- лечу".
Но, пребывая с нею,
Мы истину с тобой не утаим.
Пусть мне дарует с помыслом благим
Прощенья знак,-- извечно милость свята.
Пусть будет мир, любезная баллата;
Не посрами возвышенного слога!

Эта баллата разделена на три части: в первой я говорю, куда надлежит ей идти, и ободряю ее, чтобы она с большей уверенностью в себе отправилась в дорогу; я также указываю, какое общество ей лучше всего избрать, если она желает, чтобы счастье и безопасность ей сопутствовали; во второй части я говорю, что именно следует ей изъяснить; в третьей я разрешаю ей покинуть меня тогда, когда она сама пожелает, поручая ее шествие объятиям фортуны. Вторая часть начинается: "С Амором так гармонию сложив..."; третья: "Пусть будет мир..."

Мне можно возразить, что неясно, к кому обращены мои речи во втором лице, так как сама баллата не что иное, как слова, мною произносимые. Подобные сомнения будут разрешены, и все объяснено в моей книге, но в другом, еще более

вызывающем споры месте. Тогда поймут сомневающиеся ныне, а также те, кто будут возражать мне подобными доводами.

XIII

После этого видения, когда я произнес слова, которые Амор мне внушил, многие, и различные, помыслы стали бороться во мне, искушая меня, и я не знал, как мне от них защититься. Среди них четыре, казалось мне, особенно препятствовали жизненному покою. Один говорил: "Прекрасна власть Амора, ибо от всего низкого отвращает она намерения верного". Другой утверждал: "Нехороша власть Амора: чем с большей верностью верный ей подчиняется, тем сильнее муки, которые надлежит ему перенести". Третий помысел внушал мне: "Сладостно слышать имя Амора; поэтому невозможно, сдается мне, чтобы проявления его не заключали в себе в большинстве случаев блаженство; разве не написано: "Nomina sum consequentia rerum".

Четвертый помысел твердил мне: "Госпожа, из-за которой столь сильно преследует тебя Амор, не схожа с иными дамами -- она не изменяет легко свое сердце". И каждый помысел столь мне противодействовал, что я был подобен тому, кто не ведает, по какой дороге должен он идти, и тому, кто желает отправиться в путь и не знает, куда он стремится. А если бы я стал отыскивать общий для всех мыслей, всем приемлемый путь, я избрал бы путь мне враждебный, ибо должен был бы призвать Госпожу Милосердия и пасть в ее объятия. Находясь в таком состоянии, я решил написать стихи и произнес следующий сонет, начинающийся: "Лишь о любви..."

Лишь о любви все мысли говорят,
И столь они во мне разнообразны,
Что, вот, одни отвергли все соблазны,
Другие пламенем ее горят.
Окрылены надеждою, парят,
В слезах исходят, горестны и праздны;
Дрожащие, они в одном согласны -
О милости испуганно твердят.
Что выбрать мне? Как выйти из пустыни?
Хочу сказать -- не знаю, что сказать.
Блуждает разум, не находит слова,
Но, чтобы мысли стали стройны снова,
Защиту должен я, смирясь, искать

У Милосердия, моей врагини.

Этот сонет делится на четыре части: в первой я говорю, что все мои мысли твердят об Аморе; во второй я утверждаю, что мысли эти различны, и повествую об их многообразии; в третьей части я показываю, в чем все они сходятся; в четвертой я говорю о том, что, желая написать стихи об Аморе, я не знаю, откуда я должен почерпнуть их содержание, и что, если я хочу воспользоваться всеми мыслями, мне надлежит обратиться к моей врагине -Госпоже Милосердия; я называю ее "Госпожа" как бы из горделивого презрения. Вторая часть начинается так: "...и столь они..."; третья: "...дрожащие..."; четвертая: "Что выбрать мне?"

XIV

После битвы противоречивых помыслов случилось, что благороднейшая госпожа была в том месте, где собралось много благородных дам. Туда меня привел один из моих друзей, полагая, что доставляет мне большую радость, так как я буду в обществе, где столько дам являют свою красу. А я, как бы не ведая, куда меня ведут, доверяясь тому, кто привел своего друга на грань жизни и смерти, сказал ему: "Зачем пришли мы к этим дамам?" Тогда он сказал мне: "Для того чтобы достойно служить им". На самом деле собравшиеся там сопровождали одну из благородных дам, которая в этот день вышла замуж, а по обычаю города приличествовало, чтобы она, когда впервые сядет за стол в доме новобрачного, была в окружении других дам. Полагая, что делаю приятное моему другу, я предложил остаться вместе с ним, чтобы служить этим дамам. И как только я решился так поступить, мне показалось, что я ощущаю чудесный трепет в левой стороне груди, тотчас же распространившийся по всему телу. Тогда я прислонился к фреске, которая шла вокруг по стенам зала, чтобы скрыть свое волнение. Боясь, чтобы другие не заметили мой трепет, я поднял глаза на дам и увидел среди них Беатриче. Тогда столь сокрушены были мои духи силою, которую Amor получил, увидев меня столь близко от благороднейшей госпожи, что в живых остались лишь духи зрения, но и они пребывали вне их органа, ибо Amor соизволил оставаться в их благороднейшем месте, дабы видеть чудотворную госпожу. И несмотря на то, что я стал другим, чем был ранее, я испытал великую боль, которую причиняли мне малые духи, горько стонающие и говорившие: "Если бы Amor не изгонял нас своими молниями из наших мест, мы могли бы остаться и видеть чудесное явление этой дамы, подобно другим равным нам, присутствующим здесь". И я говорю вам, что многие из дам, заметив, как я изменился, начали смеяться надо мной вместе с Благороднейшей. Тогда друг мой, желавший мне добра и обманутый в своих ожиданиях, взял меня за руку, увел от

взоров этих дам и спросил, что случилось со мной. Когда я пришел в себя и возродились мои поверженные духи, а изгнанные вернулись в свои владения, я сказал моему другу: "Ноги мои находились в той части жизни, за пределами которой нельзя идти дальше с надеждою возвратиться". И, покинув его, я удалился в комнату слез, в которой, плача и стыдясь самого себя, говорил себе: "Если бы дама знала мое состояние, я не думаю, чтобы она так насмехалась надо мной, но сострадание ко мне возникло бы в ее сердце". И, продолжая плакать, я задумал произнести слова, в которых, говоря о ней, я объясню, почему я так изменился, и скажу: "Я знаю, что причина случившегося никому не известна, а если бы она была известна, то возбудила бы сострадание". И я решил записать возникшие во мне слова, желая, чтобы они когда-нибудь дошли до слуха благороднейшей госпожи. Тогда я сочинил сонет, начинающийся: "С другими дамами..."

С другими дамами вы надо мной
Смеетесь, но неведома вам сила,
Что скорбный облик мой преобразила:
Я поражен был вашею красой.
О, если б знали, мукою какой
Томлюсь, меня бы жалость посетила.
Амор, склонясь над вами, как светило,
Все ослепляет; властною рукой
Смущенных духов моего сознанья
Огнем сжигает он иль гонит прочь;
И вас один тогда я созерцаю.
И необычный облик принимаю,
Но слышу я -- кто может мне помочь? -
Изгнанников измученных рыданья.

Этот сонет я не делю на части, ибо так поступать необходимо лишь тогда, когда следует раскрыть смысл делимого. Из того, что сказано, смысл вполне ясен, поэтому нет необходимости в делении. Правда, что среди слов, говорящих об обстоятельствах, побудивших меня написать этот сонет, встречаются слова, могущие вызвать сомнения: так, например, когда я говорю о том, что Амор убивает всех моих духов, но что духи зрения остаются в живых, хоть и вне своих органов. Но эти трудные места невозможно объяснить тем, кто не является в той же степени, в какой и я, верными Амору, а тем, кто ими являются, ясно видно, как

разрешить все сомнения. Поэтому не следует мне пытаться объяснить трудное, ибо речь моя будет или напрасной, или излишней.

XV

После того как облик мой подвергся столь необычному изменению, мною завладела мысль, меня не покидавшая, но укорявшая меня непрестанно. Она говорила: "Когда ты находишься близ этой дамы, ты видом своим вызываешь насмешки,-- зачем же ищешь случая ее увидеть? Если бы она тебя спросила, как прозвучал бы твой ответ, даже если бы ты был волен в проявлении твоих душевных сил и смог бы ей достойно ответить?" Ему возражал другой смиренный помысел: "Если бы я не лишился моих душевных сил и мог бы ей ответить, я сказал бы ей, что, как только я представляю себе чудесную ее красоту, тотчас же возникает во мне желание увидеть ее, и оно столь сильно, что убивает и уничтожает в памяти моей все против него восстающее. Поэтому страдания, которые я претерпевал, не могут удержать меня от стремления вновь увидеть ее". Итак, побуждаемый этими мыслями, я решил сложить слова в стихи, в которых, защищаясь от подобных упреков, я выражу все то, что чувствую, находясь поблизости от нее. И я написал сонет, начинающийся: "Все в памяти..."

Все в памяти смущенной умирает -
Я вижу вас в сиянии зари,
И в этот миг мне Бог любви вещает:
"Беги отсель иль в пламени сгори!"
Лицо мое цвет сердца отражает.
Ищу опоры, потрясен внутри;
И опьяненье трепет порождает.
Мне камни, кажется, кричат: "Умри!"
И чья душа в бесчувствии застыла,
Тот не поймет подавленный мой крик.
Он согрешит, но пусть воспламенится
В нем состраданье, что в сердцах убила
Насмешка ваша, видя бледный лик
И этот взор, что к гибели стремится.

Сонет делится на две части: в первой я говорю, почему я не могу удержаться от того, чтобы не идти туда, где находится благороднейшая дама; во второй я рассказываю, что происходит со мной, когда я приближаюсь к ней; эта часть начинается так: "...и в этот миг...". Вторая часть разделяется еще на пять,

сообразно с пятью предметами повествования: прежде всего я открываю, что говорит мне Amor, внемлющий советам разума, когда я нахожусь близ нее. Во второй части я показываю состояние моего сердца, отраженное на моем лице; в третьей я говорю о том, как всякая уверенность покидает меня; в четвертой я утверждаю, что грешит тот, кто не сочувствует мне, так как сострадание его было бы мне помощью; в последней части я говорю, почему другие должны были бы мне сочувствовать, видя скорбный взор моих очей, ибо во взгляде моем сама скорбь как бы повержена и незрима другим из-за насмешек дамы, побуждающей к насмешкам и других, которые, может быть, могли увидеть горестное мое состояние. Вторая часть начинается так: "Лицо мое цвет сердца..."; третья: "...и опьяненье..."; четвертая: "И чья душа..."; пятая: "...но пусть воспламенится..."

XVI

Когда я написал этот сонет, у меня возникло желание добавить несколько слов, чтобы передать еще четыре состояния, в которых я находился, оставшиеся, как мне казалось, невыраженными. Во-первых, я хотел рассказать о той боли, которую я испытывал, когда память моя побуждала фантазию представить, во что превращал меня Amor. Во-вторых, я намеревался поведать о том, как часто и неожиданно Amor нападал на меня с такой силой, что жизнь моя проявлялась лишь в единой мысли о даме. В-третьих, я стремился представить битву Амора, нападавшего на меня, так что, побледнев и как бы изнемогая, я удалялся, чтобы увидеть мою госпожу. Я верил, что один вид ее спасет меня в этой битве, и забывал о том, что ранее случалось со мной, когда я приближался к существу столь возвышенному и благородному. В-четвертых, я должен был признаться в том, что лицезрение дамы не только не защищало меня, но совершенно уничтожало и те малые жизненные силы, которые во мне еще оставались. Поэтому я сложил следующий сонет, начинающийся: "Я часто думал..."

Я часто думал, скорбью утомленный,
Что мрачен я не по своей вине.
Себя жалел, пылая как в огне;
Твердил: "Так не страдал еще влюбленный!"
О, сколько раз, неожиданно осажденный
Жестоким Богом, в сердца глубине
Я чувствовал, что дух один во мне
Еще живет, любовью озаренный.
Стремился вновь волнение унять
В моем бессилье и в изнеможенье.

Чтоб исцелиться, к вам я шел спеша.
Осмеливаясь робкий взгляд поднять,
Я чувствовал такое сотрясение,
Что мнилось мне -- из жил бежит душа.

Этот сонет делится на четыре части, следуя четырем предметам, о которых в нем говорится. Так как они были уже рассмотрены, я ограничусь тем, что отмечу начало частей. Я говорю, что вторая часть начинается: "О, сколько раз..."; третья: "Стремился вновь..."; четвертая: "Осмеливаясь..."

XVII

Когда я написал эти три сонета, в которых обращался к моей госпоже, я решил умолкнуть и не говорить больше, ибо они выразили почти полностью мое состояние и мне казалось, что они достаточно свидетельствовали обо мне. Поэтому впредь я буду неизменно воздерживаться от прямых обращений к ней. Мне надлежит овладеть новым повествованием, более благородным, чем предыдущее. И так как о причине нового содержания сладостно слышать, я скажу о ней так кратко, как только смогу.

XVIII

По причине того, что на моем лице многие прочли тайну моего сердца, некие дамы, собравшиеся, чтобы приятно провести время в своем кругу, прекрасно знали мои чувства, тем более что каждая из них присутствовала при многих моих поражениях. Как бы ведомый фортуной, я проходил вблизи, и одна из благородных дам, отличавшаяся веселой и любезной речью, позвала меня. Я приблизился к ним и, увидев, что моей благороднейшей госпожи не было среди них, почувствовал вновь уверенность в себе. Тогда я приветствовал их и спросил, что им угодно. В том обществе было много дам. Некоторые смеялись. Другие смотрели на меня, ожидая, что я скажу. Иные разговаривали между собой. Одна из них, обратив на меня свой взор и назвав меня по имени, произнесла следующие слова: "Какова цель твоей любви, если не можешь выдержать присутствия твоей дамы? Скажи нам, так как цель такой любви должна быть необычной и небывалой". И когда вопрошающая умолкла, не только она, но и все другие дамы ожидали моего ответа, и ожидание это отразилось на их лицах. Тогда я сказал: "О дамы, целью моей любви раньше было приветствие моей госпожи, которая, конечно, вам известна. В приветствии этом заключались все мои желания. Но так как ей угодно было отказать мне в нем, по милости моего владыки Амора, мое блаженство я сосредоточил в том, что не может быть от меня

отнято". Тогда дамы начали разговор между собой, и, подобно тому как мы видим иногда ниспадающую с неба, смешанную с прекрасным снегом воду, так, казалось мне, я слышал, как исходили слова их, мешаясь с воздыханиями. И после того, как они некоторое время разговаривали между собой, та дама, что первая обратилась ко мне, произнесла: "Мы просим тебя, чтобы ты сказал нам, где пребывает твое блаженство". Я ответил им лишь следующее: "В словах, восхваляющих мою госпожу". Тогда обратилась ко мне та, что говорила со мной: "Если сказанное тобой -- правда, те стихи, которые ты посвящал ей, изъясняя свое душевное состояние, были бы сложены иначе и выражали бы иное". Тогда, размышляя об этих словах, я удалился почти пристыженный и шел, говоря самому себе: "Если столь велико блаженство в словах, хвалящих мою госпожу, почему иною была моя речь?" Тогда я решил избирать предметом моих речей лишь то, что могло послужить для восхваления благороднейшей дамы. После долгих размышлений мне показалось, что я обратился к слишком высокой теме, для меня непосильной, и не решался приступить к ней. Так я пребывал несколько дней, желая слагать стихи и страшась начать.

XIX

Через некоторое время, когда я проезжал по дороге, вдоль которой протекала быстрая и светлая река, меня охватило такое сильное желание слагать стихи, что я принялся думать, как мне следует поступать, и я решил, что говорить о совершенной даме надлежит, обращаясь к дамам во втором лице, и не ко всем дамам, а лишь к тем из них, которые наделены благородством. И тогда мой язык заговорил как бы сам собой и произнес: "Лишь с дамами, что разумом любви владеют". Эти слова я удержал в памяти с большой радостью, решив воспользоваться ими для начала. Возвратившись в упомянутый город, я размышлял несколько дней, а затем приступил к сочинению канцоны с этим началом, сложенной так, как будет ясно ниже, когда я приступлю к ее делению. Канцона начинается: "Лишь с дамами..."

Лишь с дамами, что разумом любви
Владеют, ныне говорить желаю.
Я сердце этой песней облегчаю.
Как мне восславить имя госпожи?
Амор велит: "Хвалений не прерви!"
Увы! я смелостью не обладаю.
Людей влюблять я мог бы -- не дерзаю,
Не одолев сомненья рубежи.

Я говорю канцоне: "Расскажи
Не столь возвышенно о несравненной,
Чтоб, устрашась, ты сделалась презренной,
Но стиль доступный с глубиной свяжи.
Лишь благородным женщинам и девам
Теперь внимать моей любви напевам!
Пред разумом Божественным воззвал
Нежданно ангел: "О Творец Вселенной,
Вот чудо на земле явилось бренной;
Сиянием пронзает небосвод
Душа прекрасной. Чтоб не ощущал
Неполноты Твой рай без совершенной,
Внемли святым -- да узрят взор блаженной".
Лишь Милосердье защитит наш род.
Скажи, Господь: "Настанет скорбный год.
Ее душа с землею разлучится;
Там некто утратить ее страшится
Среди несовершенства и невзгод.
В аду он скажет, в царстве злорожденных, -
Я видел упование блаженных".
Ее узреть чертог небесный рад.
Ее хвалой хочу я насладиться.
И та, что благородной стать стремится,
Пусть по дорогам следует за ней,
Сердца презренные сжимает хлад.
Все низменное перед ней смутится.
И узревший ее преобразится
Или погибнет для грядущих дней.
Достойный видеть -- видит все ясней,
В смирение он обиды забывает.
Ее привет все мысли очищает,
Животворит в сиянии огней.
Так милость Бога праведно судила:
Спасется тот, с кем дама говорила.
"Как воссияла эта чистота
И воплотилась в смертное творенье!" -
Амор воскликнул в полном изумленье:

"Клянусь, Господь в ней новое явил".
Сравнится с ней жемчужина лишь та,
Чей нежный цвет достоин восхищенья.
Она пример для всякого сравненья,
В ее красе -- предел природных сил,
В ее очах -- сияние светил,
Они незримых духов порождают,
Людские взоры духи поражают,
И все сердца их лик воспламенил.
И на лице ее любовь алеет,
Но пристально смотреть никто не смеет.
Канцона, с дамами заговоришь,
Прекрасными, как, верно, ты хотела.
Воспитанная мной, иди же смело,
Амора дочь, пребудешь молодой.
И тем скажи, кого ты посетишь:
"Путь укажите мне, чтоб у предела
Стремления хвалить я даму смела".
Не замедляй полет свободный твой,
Где обитает подлый род и злой,
Откройся тем, кто чужд забаве праздной,
К ним поспеши дорогой куртуазной.
Тебя немедля приведут в покой,
Где госпожа твоя и твой вожатый,
Замолвить слово обо мне должна ты".

Для того чтобы эту канцону сделать доступнее пониманию, я разделю ее с большим искусством, чем все ей предшествовавшие. Сперва я разделю ее на три части, так чтобы первая служила введением к последующему; во второй части я заключу само повествование, третья же явится как бы служанкой предыдущих слов. Вторая начинается так: "Пред разумом Божественным воззвал / Нежданно ангел..."; третья: "Канцона, с дамами заговоришь..." Первая часть содержит четыре подраздела: в первом я разъясняю, к кому я намереваюсь обратить слова о моей даме, не скрыв причину, к этому меня побуждающую; во втором я говорю, что я чувствую, размышляя о ее достоинствах, и как поведал бы о них, если бы не терял смелости; в третьем я открываю, как, по моему мнению, следует говорить о ней, чтобы страх мне не помешал; в четвертом, повторив еще раз, к каким лицам я обращаюсь, я открываю причину, заставляющую меня избрать именно их.

Второй начинается: "Амор велит..."; третий: "Я говорю канцоне..."; четвертый: "Лишь благородным женщинам и девам..." Затем, когда я вымолвил: "Пред разумом Божественным воззвал / Нежданно ангел...", я начинаю повествование об этой даме. И эта часть имеет два подраздела: в первом я говорю, что о ней думают на небесах, а во втором -- что думают о ней на земле, начиная: "Ее узреть чертог небесный рад". Вторая часть делится на два подраздела; таким образом, в первом я говорю о благородстве ее души, упомянув о некоторых ее чудесных проявлениях; во втором -- о ее телесном благородстве и равным образом о ее красоте следующими словами: "Как воссияла эта чистота..." Вторая эта часть содержит также два подраздела: в первом я повествую о красоте, свойственной всему ее облику, во втором -- о красоте, воссиявшей в ее облике, следующими словами: "...в ее очах -- сияние светил..." Эта вторая часть делится на две: в одной я говорю о ее очах, источниках любви; во второй я прославляю ее уста, которые являются предельной целью Амора. И чтобы устранить всякий порочный помысел, я напому читателю о том, что написано было выше, когда я говорил, как приветствие этой дамы, проистекающее от уст ее, стало пределом моих желаний в те времена, когда я мог ему внимать. Затем, после стиха: "Канцона, с дамами заговоришь...", я прибавляю станцу, являющуюся служанкою других. В ней я открываю, что я жду от канцоны. Так как последняя часть вполне понятна, я не буду утруждать себя дальнейшими делениями, хоть и не сомневаюсь в том, что следовало бы прибегнуть к более подробному расчленению, чтобы читающие могли лучше уразуметь мою канцону. Все же если найдутся читатели, не одаренные достаточным разумом для того, чтобы ее понять с помощью тех делений, которые я уже обозначил,-- я не стану сетовать. Пусть они ее отложат в сторону; я и так страшусь, что слишком многим я открыл ее смысл при помощи этих разделений и что она прозвучит для слишком многих ушей".

XX

Когда эта канцона стала достаточно известна людям, ее услышал один из моих друзей. Он стал просить меня, чтобы я сказал, кто такой Амор. Конечно, он переоценивал мои силы благодаря слышанному им обо мне. Тогда, размышляя о том, что после предыдущей темы достойно избрать другую, говорящую об Аморе, а также приняв во внимание, что другу моему следует услужить, я решил сложить слова, в которых я говорил бы о сущности любви; и так я написал сонет, начинающийся: "Любовь и благородные сердца..."

Любовь и благородные сердца -
Одно, сказал поэт в своей канцоне.

Так разум, по ученью мудреца,
С душой неразделим в духовном лоне.
Природа сердце превратит в дворца
Палату, где сам Бог любви на троне.
Порою царство длится без конца,
Но иногда не верен он короне.
Затем в премудрой даме красота
Пленяет взор и в сердце порождает
Тот дух любви, что связан с ней навек;
Растет и крепнет властная мечта.
И в сердце дамы также возбуждает
Любовь достойный чувства человек.

Этот сонет делится на две части. В первой я говорю о потенциальном состоянии Амора, а во второй -- о том, как это потенциальное состояние претворяется в действительное. Вторая начинается так: "Затем в премудрой даме красота..." Первая часть делится на две: прежде всего я говорю, в каких субъектах заключена эта потенциальная сила, затем -- как и субъект, и потенциальная сила получают бытие и что они относятся одно к другому как форма к материи. Вторая часть начинается так: "Природа сердце превратит..." Наконец, когда я говорю: "Затем в премудрой даме красота...", я говорю о том, как эта потенциальная сила претворяется в действие сначала в мужчине, затем в женщине: "И в сердце дамы..."

XXI

После того как в предыдущем стихотворении я говорил об Аморе, я решил восхвалить благороднейшую даму и в словах моих показать, как благодаря ее добродетели пробуждается Амор, и не только там, где он дремлет. Даже там, где нет его в потенции, она, действуя чудесным образом, заставляет его прийти. И тогда я сложил этот сонет, начинающийся: "В ее очах..."

В ее очах Амора откровенье,
Преображает всех ее привет.
Там, где проходит, каждый смотрит вслед;
Ее поклон -- земным благословенье.
Рождает он в сердцах благоговенье.
Вздыхает грешник, шепчет он обет.
Гордыню, гнев ее изгонит свет;

О дамы, ей мы воздадим хваленье.
Смиренномудрие ее словам
Присуще, и сердца она врачует.
Блажен ее предвозвестивший путь.
Когда же улыбается чуть-чуть,
Не выразить душе. Душа ликует:
Вот чудо новое явилось вам!

Этот сонет включает в себе три раздела. В первом я говорю о том, как эта дама претворяет силу потенциальную в силу действенную благодаря влиянию благороднейшей части ее существа -- ее очей; в третьем говорю о том же, но относительно благороднейших уст ее. Среди этих двух разделов находится еще малая частица, как бы просящая о помощи предыдущей и последующей частей. Она звучит так: "О дамы, ей мы воздадим хваленье". Третья начинается: "Смиренномудрие ее словам..." Первая часть содержит три раздела: сначала я говорю о том, что эта дама обладает добродетелью, превращающей в благородное все, что охватывает ее взор; то есть как бы вводит потенциальную мощь Амора туда, где власти его ранее не было. Во втором разделе я показываю, как она претворяет Амора в действенную силу в сердцах тех, кого она созерцает. В третьем я открываю ее добродетельное влияние на сердца. Второй начинается: "Там, где проходит...", третий: "...ее поклон..." Затем, когда я произношу: "...о дамы...", я даю понять, к кому я намереваюсь обратиться, призвав дам, которые мне помогут воздать ей честь. Затем, когда я говорю: "Смиренномудрие...", я утверждаю лишь то, что уже сказано было в первой части о двух действиях ее уст: о сладостных ее речах и о чудесной ее улыбке; все же я не говорю о влиянии ее на сердца других, ибо память не может сохранить ни чудесную улыбку, ни ее воздействие.

XXII

Затем, по истечении многих дней, как угодно было преблагословенному Владыке -- Который не пощадил и Самого Себя и предал Себя смерти,-- тот, кто был родителем столь великого чуда, каким была благороднейшая Беатриче, покинул нашу жизнь и вознесся поистине к вечной славе. Известно, что подобный уход скорбен для всех оставшихся, которые были друзьями отошедшего. Нет более близкой дружбы, чем между добрым отцом и добрым сыном, доброй дочерью и добрым отцом, а дама эта достигла высшей степени доброты, и ее отец, как полагали многие и что соответствовало истине, был очень добр. Ясно, что упомянутая дама преисполнилась горчайшей скорби. И так как по обычаю этого

города женщины с женщинами и мужчины с мужчинами объединяются для печального обряда, многие дамы пришли туда, где Беатриче плакала, возбуждая сострадание. Увидев, что от нее возвращаются несколько дам, я услышал, как говорили они друг другу о том, как скорбит она; и среди этих слов я услышал следующее: "Поистине она так плачет, что видящий ее должен был бы умереть от сострадания". Дамы прошли мимо меня, и я пребывал погруженный в грустные размышления. Слезы порой струились по моему лицу, и я стремился их скрыть, закрывая глаза руками. Если бы я не ожидал, что услышу еще что-либо о ней, находясь в месте, мимо которого проходило большинство дам, ее покидавших, я скрылся бы, как только слезы нахлынули на мои глаза. Так, медля в том же месте, я увидел, как другие дамы проходят мимо, и я услышал их слова: "Кто из нас может быть радостной, ведь мы слышали, как звучали слова этой дамы, исполненные дивной печали". И вот еще иные дамы появились, говоря: "Этот плачущий здесь как будто видел ее такой, какой мы видели ее". Затем иные сказали обо мне: "Посмотрите на него, он сам на себя не похож, столь изменился он!" Так проходили мимо дамы, и я слышал их слова о ней и обо мне, как было сказано. Позже, предавшись размышлениям, я решился сложить слова, ибо для стихов представилась мне достойная тема, и в стихи заключить все, что слышал я от этих дам. Я охотно обратился бы к ним с расспросами, если бы расспросы были уместны, поэтому я счел возможным в моих стихах представить все происшедшее так, как если бы я вопрошал, а они бы мне отвечали. И я сложил два сонета: в первом сонете я задаю вопрос, задать который у меня возникло желание; во втором привожу их ответ, как если бы они мне ответили. Первый сонет начинается: "Смиренномудрие...", а второй: "Тебя узнать не можем..."

Смиренномудрие и состраданье

На ваших лицах. Вам гляжу вослед.

Очей опущенных мерцает свет.

Молю, нарушьте грустное молчанье.

Иль дамы нашей слышали рыданье?

Скажите, не таите ваш ответ!

С ней плакал Бог любви у тайных мет,

И вас пленило скорбное мечтанье.

Вы траурную видели любовь.

Останьтесь здесь, не проходите мимо,

Откройте все, что знаете о ней.

Я вижу слезы горестных очей,

И, зная, что печаль неутолима,

Затрепетало это сердце вновь.

Сонет делится на две части. В первой я взываю к дамам и спрашиваю их, идут ли они оттуда, где она находится. Мне кажется, что я не ошибаюсь, ибо возвращаются они как бы облагороженные. Во второй части я прошу, чтобы они поведали мне о ней. Вторая часть начинается: "Вы траурную видели любовь". Следует второй сонет, как мы уже сказали ранее:

Тебя узнать не можем. Нам одним
О нашей даме говорил не ты ли?
Твой голос тот же, но черты застыли
Лица -- и ты нам кажешься иным.
Источник слез твоих непостижим.
Твои рыдания наши возбудили.
Иль видел ты -- печали посетили
Ее и той же мукой ты томим?
Оставь нас плакать на стезе печали;
И утешающий нас согрешит.
Ее словам скорбящим мы внимали.
Такой огонь в ее очах горит,
Что, если б на нее взглянуть дерзали,
Мы умерли б -- нас скорбь испепелит.

Сонет делится на четыре части соответственно высказываниям четырех дам, в уста которых я вложил ответы; и, так как эти высказывания из уже упомянутого достаточно ясны, я не буду точнее определять смысл каждой части, удовольствовавшись тем, что только их обозначу. Вторая часть начинается: "Источник слез..."; третья: "Оставь нас плакать..."; четвертая: "Такой огонь..."

XXIII

Случилось по истечении немногих дней, что тело мое было поражено недугом, так что в продолжение девяти дней я испытывал горчайшую муку. Недуг столь ослабил меня, что я должен был лежать, как те, кто не может двигаться. И когда на девятый день моей болезни я ощутил почти нестерпимую боль, во мне возникла мысль о моей даме. И так, думая о ней, я вернулся к мысли о моей немощной жизни, и, видя, сколь она недолговечна даже у людей здоровых, я стал оплакивать в душе моей столь печальную участь. Затем, умножая вздохи, я произнес про себя: "Неизбежно, что когда-нибудь умрет и благороднейшая Беатриче". И столь великое охватило меня смущение, что я закрыл глаза и начал

бредить, как человек, охваченный умопомрачением, и предался всей фантазии. В начале этого заблуждения моей фантазии передо мной явились простоволосые женщины, мне говорящие: "Ты умер". Так начала блуждать фантазия моя, и я не знал, где я находился. И мне казалось, что я вижу женщин со спутанными волосами, рыдающих на многих путях, чудесно скорбных; и мне казалось, что я вижу, как померкло солнце, так что по цвету звезд я мог предположить, что они рыдают. И мне казалось, что летящие в воздухе птицы падают мертвыми и что началось великое землетрясение. Страшась и удивляясь, во власти этой фантазии, я вообразил некоего друга, который пришел ко мне и сказал: "Разве ты не знаешь: твоя достойная удивления дама покинула этот век". Тогда я начал плакать, исполненный величайшей горести, и не только в моем воображении, но истинные слезы омывали мои глаза. Затем я вообразил, что следует мне посмотреть на небо, и мне показалось, что я вижу множество ангелов, которые возвращались на небо, а перед ними плыло облачко необычайной белизны. Мне казалось, что эти ангелы пели величальную песнь и что я различаю слова их песни: "Osanna in excelsis", и ничего другого я не слышал. Тогда мне показалось, что сердце, в котором заключалась столь великая любовь, сказала мне: "Поистине мертвой покоится наша дама". И после этого мне показалось, что я иду, чтобы увидеть тело, в котором обитала благороднейшая и блаженная душа. Столь сильна была обманчивая фантазия, что она показала мне мою даму мертвой. И мне казалось, что дамы покрывают ее голову белой вуалью; и мне казалось, что на лице ее отобразилось такое смирение, что слышалось -- она говорила: "Я вижу начало умиротворения". И в этом мечтании, когда я увидел ее, меня охватило чувство такого смирения, что я призывал Смерть, говоря: "О пресладостная Смерть, приди ко мне, не поступай со мною недостойно, ты должна быть благородна, в таком месте была ты! Приди ко мне, столь жаждущему тебя. Посмотри: уже ношу твой цвет". Когда же я увидел завершение скорбных обрядов, которые надлежит совершать над телом умерших, мне почудилось, что я возвращаюсь в мою комнату. Там привиделось мне, будто я гляжу на небо. И столь сильно было мое воображение, что истинным своим голосом, плача, я произнес: "О прекраснейшая душа, блажен видевший тебя!" Произнося эти слова скорбным голосом, прерываемым приступами рыданий, я призывал Смерть. Молодая и благородная дама, бывшая у моего ложа, думая, что мои рыдания и мои слова были вызваны лишь моим недугом, также начала плакать. Другие дамы, бывшие в комнате, по ее слезам заметили, что и я плачу. Тогда они удалили молодую даму, связанную со мной ближайшим кровным родством, и подошли ко мне, чтобы меня разбудить, полагая, что я вижу сны. Они сказали мне: "Не спи" и "Не

отчаивайся". От этих слов прервалось сильное мое мечтание, как раз когда я хотел воскликнуть: "О Беатриче, будь благословенна!" И я уже сказал: "О Беатриче", когда, придя в себя, я открыл глаза и увидел, что заблуждался. И хотя я назвал это имя, мой голос был прерван приступом рыданий, так что эти дамы не смогли, как я полагаю, меня понять. Несмотря на мое великое смущение и стыд, по совету Амора я повернулся к ним. Увидев мое лицо, они сказали сначала: "Он кажется мертвым"; затем, обращаясь друг к другу: "Постараемся утешить его" -- и произнесли много слов утешения, порою спрашивая меня, чем я был так испуган. Несколько успокоенный, я понял, что был охвачен ложным мечтанием, и ответил им: "Я вам поведаю, что со мной случилось". Тогда -- от начала до конца -- я рассказал им о том, что видел, скрыв имя Благороднейшей. Излечившись от этой болезни, я решился сложить стихи о том, что случилось со мной, ибо я полагал, что тема эта достойна Амора и приятна для слуха; и об этом я сочинил следующую канцону, начинающуюся: "Благожелательная госпожа..."

Благожелательная госпожа,
Младая и прекрасная собою,
Случилась там, где смерть я ожидал,
В моих глазах увидела, дрожа,
Отчаянье; от тщетных слов со мною
Заплакала -- ей сердце ужас сжал.
И старших дам невольно я призвал.
Ушла, их увещаниям внимая,
Сеньора молодая.
Старались дамы мне вернуть сознание:
Одна -- "Оставь мечтанье!";
Другая -- "Отчего ты духом пал?".
Владычицы моей, еще рыдая,
Назвал я имя, бред мой покидая.
Столь скорбен и столь тих был голос мой,
Переходящий в шепот заглушенный,
Что в сердце это имя уловил
Лишь я один, измученный мечтой.
И к дамам повернуть мой лик смущенный
Тогда Амор печальный поспешил.
Их бледностью я, верно, поразил,
Казалось, смерти видели явление.
Вновь облачась в смирение,

Меня, склоняясь, дамы утешали
И часто повторяли:
"Что видел ты во сне, лишившись сил?"
Преодолев душевное волненье,
Сказал: "Исполню ваше повеленье".
Когда о брэнной жизни думал я
И видел, как близка моя могила,
Сам Бог любви омыл свой лик слезой.
Столь смущена была душа моя,
Что в мыслях так, вздыхая, говорила:
"Покинет дама грешный мир земной".
И, мыслию терзаемый одной,
Сомкнул глаза. В неизъяснимой дали
В отчаянье блуждали
Сознанья духи. И в воображенье,
Прервав уединенье,
Обличья скорбных жен передо мной
Вне истины, вне знания предстали.
"И ты, и ты умрешь!" -- они зывали.
И страшное увидел я вдали,
Входя все глубже в ложное мечтанье,
Был в месте, чуждом памяти моей.
С распущенными волосами шли
Там дамы, слышалось их причитанье;
Они метали пламя злых скорбей.
Мерцало солнце, мнилось, все слабей,
И звезды плакали у небосклона,
Взойдя из ночи лона.
И птиц летящих поражала смерть,
И задрожала твердь.
Вот некий муж предстал среди теней,
И хриплый голос рек, как отзвук стога:
"Сей скорбный век покинула мадонна".
И очи, увлажненные слезой,
Возвел,-- казалось, ниспадает манна,-
То возвращались ангелы небес,
И облачко парило над землей;

К нам доносилось райское: "Осанна!"
И звук иной в моей душе исчез.
Амор сказал мне: "Горестных чудес
Не скрою. Посмотри, лежит средь зала".
Мадонну показала
Фантазия мне мертвой, бездыханной.
Вот дамы лик желанный
Сокрыли мраком траурных завес.
Она, поправ смиреньем смерти жало,
Казалось, молвит: "Я покой познала".
Я скорбь мою смиреньем одолел,
Смиреномудрия познав начала,
И говорил: "Должно быть, ты нежна,
О Смерть, и благороден твой удел;
Сойдя к мадонне, благородной стала,
Не гневаться, но сострадать должна.
Моя душа желания полна
Твоею стать! Тебя напоминаю.
"Приди", -- к тебе взываю!"
И я ушел, душа моя томилась.
В уединенье, мнилось,
Взглянул на небо и сказал средь сна:
"Кто зрит тебя, достоин тот спасенья".
Спасибо вам, прервавшим сновиденья.

Канцона содержит две части: в первой я обращаюсь к некому лицу и рассказываю, как меня посетило тщетное мечтание, от которого меня освободили неназванные дамы, и как я обещал им поведать обо всем мною виденном; во второй части я говорю, как я выполнил мое обещание. Вторая часть начинается: "Когда о бренной жизни думал я...". Первая часть содержит два раздела: в первом я говорю о том, что некие дамы -- и особенно одна из них -- сказали и что сделали, пока длилось мое видение, в то время, которое предшествовало моему возвращению в истинное состояние; во втором я передаю то, что они сказали мне, когда я перестал бредить, начав так: "Столь скорбен и столь тих был голос мой..." Затем, когда я говорю: "Когда о бренной жизни...", я передаю, как я рассказал им о моем сновидении. Этот предмет излагается в двух разделах: в первом я повествую по порядку о том, как развивалась эта фантазия; во втором, сообщая, в

какое мгновение дамы позвали меня, я заключаю также благодарность; и этот раздел начинается: "Спасибо вам..."

XXIV

После тщетного этого видения случилось однажды, что я сидел задумавшись и вдруг почувствовал сотрясение в сердце, как будто я находился в присутствии моей дамы. И тогда я увидел одно из обличий Амора. Мне показалось, что он идет с той стороны, где находилась моя дама, и, казалось, радостно говорит в моем сердце: "Думай о том, как благословить тот день, когда я стал твоим господином. Это твоя обязанность". Мне показалось, что сердце мое столь исполнено радости, что оно как бы не было моим благодаря новому своему состоянию. И вскоре после этих слов, сказанных мне сердцем на языке Амора, я увидел, как направляется ко мне некая благородная дама, прославленная своею красотой. Она некогда имела большую власть над сердцем первого моего друга. Имя этой дамы было Джованна; и за ее красоту, как полагают люди, она получила имя Примавера; и так звали ее. Я видел, как вслед за нею приближается чудотворная Беатриче. Так прошли эти дамы одна за другой, и показалось мне, что Амор снова заговорил в моем сердце и произнес: "Первая зовется Примавера лишь благодаря сегодняшнему ее появлению; я вдохновил того, кто дал ей имя Примавера, так ее назвать, ибо она придет первой в день, когда Беатриче предстанет своему верному после его видения. И если ты хочешь проникнуть в смысл первого ее имени, оно обозначает равно: "Она придет первой", так как происходит от имени того Джованни, который предшествовал свету истины, говоря: "Ego vox clamantis in deserto: parate viam Domini"". И мне казалось, что после этих слов: "Тот, кто пожелает более утонченно вникнуть в суть вещей, увидит, что Беатриче следовало бы назвать Амором благодаря большому сходству со мной". Затем, размышляя над этим, я решился сочинить стихи, обращаясь к первому своему другу. При этом я скрыл те слова, скрыть которые надлежало, так как полагал, что он еще созерцает в сердце своем красоту благородной Примаверы. Тогда я сложил сонет, начинающийся: "Я чувствовал..."

Я чувствовал, как в сердце пробуждался
Влюбленный дух, что в нем давно дремал.
Амора издали я не узнал,
Нечаянный, ликуя, приближался.
"Воздай мне честь", -- сказал и улыбался.
Он радостную встречу предвещал.
Недолго я с владыкой пребывал,

Смотря туда, где Бог мне показался,
И монну Ванну вместе с монной Биче
Увидел я,-- незримое другими,
За чудом чудо шло. Как бы во сне
Амор сказал: "Постигни их обличье,
Ты знаешь, Примавера первой имя,
Второй -- Амор, во всем подобной мне".

В этом сонете несколько частей: в первой я говорю о том, как почувствовал обычное содрогание в груди и как мне показалось, что радостный Амор появился в моем сердце, придя издалека; во второй я открываю то, что -как мне мнилось -- Амор говорил в моем сердце и каковым он мне казался; в третьей я повествую, как Амор пребывал известное время со мной, а затем о том, что я увидел и услышал. Вторая часть начинается: "Воздай мне честь...", третья: "Недолго я..." Третья часть имеет два раздела: в первом я говорю о том, что я видел; во втором -- о том, что я слышал. Второй начинается так: "Амор сказал..."

XXV

Здесь может возникнуть сомнение у лица, достойного того, чтобы все его сомнения были рассеяны, ибо я говорю об Аморе так, как если бы он обладал самостоятельным бытием, а не был только разумной субстанцией, так, как если бы он был воплощен, что, следуя истине, ложно, ибо Амор не является субстанцией, но качеством субстанции. Я же говорю о нем как о телесном явлении и даже как о человеке, что ясно из трех моих о нем высказываний. Я утверждаю, что вижу, как он приходит, а так как, следуя философу, "приходит" означает действие в пространстве, я придаю ему свойства тела. Я пишу также, что Амор смеялся и что он говорил; все это свойственно человеку, особенно способность смеяться; отсюда следует, что я приписываю Амору человеческие свойства. Чтобы разъяснить все это, как здесь и надлежит, необходимо, во-первых, принять во внимание, что в древние времена не было певцов любви на простонародном языке, но поэты писали о любви стихи по-латыни; у нас, повторяю, а, быть может, также у других народов, где так случалось и случается, как, например, у греков, на эту тему писали не простонародные, но литературные поэты. И прошло не много лет с тех пор, как появились первые поэты, сочиняющие стихи на народном языке; заметим, что слагать стихи с рифмами на народном -- то же, что сочинять метрические строки по-латыни,-- если принять во внимание соотношение между латынью и народным языком. Все это случилось совсем недавно, так как, если мы пожелаем отыскать примеры в

провансальском или в итальянском языке, мы не найдем поэтических произведений, написанных ранее чем полтора столетия тому назад. И причина того, что некоторые рифмачи пользовались славой искусных стихотворцев, в том, что они были первыми, сочинявшими по-итальянски. Первый начавший слагать стихи на языке народном решился так поступить, ибо хотел, чтобы слова его были понятны даме, которой нелегко было понимать латинские стихи. Таким образом, следует осудить тех, которые слагают на народном языке стихи с рифмами не на любовную, а на какую-либо иную тему, ибо поэзия на народном языке изначально была создана именно для любовных песен. И так как поэтам дозволена большая свобода выражения, чем тем, кто пишет прозой, принимая также во внимание, что пишущие рифмованные стихи являются поэтами, слагающими на народном языке, вполне разумно позволять им большую свободу выражения, чем остальным, говорящим на народном языке. Таким образом, если известная риторическая фигура или украшение дозволены поэтам, дозволены они также тем, кто пишет стихи с рифмами. Мы видим, что поэты обращались с речью к предметам неодушевленным так, как если бы они обладали чувствами и разумом, и заставляли их говорить не только вещи истинные, но также измышленные; они же одаряли речью несуществующее в действительности и утверждали, что некоторые явления говорят так, как если бы они были субстанциями и людьми. Отсюда следует, что пишущий стихи с рифмами имеет право поступать подобным же образом, однако руководствуясь разумом так, чтобы впоследствии было возможно разъяснить смысл сказанного в прозе. Что поэты пользовались свободой, о которой мы упомянули, ясно из примеров Вергилия, сообщающего, что Юнона, богиня, враждебно относившаяся к троянцам, так говорит Эолу, владыке ветров, в первой песне "Энеиды": "*Aeole namque tibi*", а этот повелитель так ей отвечает: "*Tuus, o regina, quia optes explorare labor, mihi iussa capessere fas est*". Тот же поэт заставляет говорить неодушевленный предмет, который обращается к существам одушевленным в третьей песне "Энеиды": "*Dardanidae duri*". В поэме Лукана лицо одушевленное говорит предмету неодушевленному: "*Multum, Roma, tamen debes civilibus armis*". У Горация человек обращается со словами к своей же науке, как будто она является живым лицом. Манера эта присуща не только Горацию -- он цитирует почти дословно доброго Гомера в следующем месте своей "Поэтики": "*Die mihi, Musa, virum...*" Овидий заставляет Амора говорить так, как если бы он был живым лицом, в начале своей книги, названной "Средства от любви", а именно в следующем месте: "*Bella mihi, video, bella parantur, ait*". Пусть эти примеры рассеют недоумение тех, кто сомневается в правильности некоторых мест моей

малой книги. Но чтобы невежественные люди не вспыхнули слишком большой отвагой, я утверждаю, что поэты так не говорят без основания и что равным образом и слагающие стихи с рифмами не должны говорить, не сознавая ясно, что они хотят выразить, ибо весьма стыдно было бы тому, который, облачая свои высказывания в одежды и украшая их цветами риторики, не мог бы, если бы его затем спросили, оголить свои слова так, чтобы они приобрели истинное значение. Я и первый друг мой, мы хорошо знаем тех, кто рифмует глупо и непродуманно.

XXVI

Благороднейшая дама, о которой говорилось в предыдущих стихотворениях, снискала такое благоволение у всех, что, когда она проходила по улицам, люди бежали отовсюду, чтобы увидеть ее; и тогда чудесная радость переполняла мою грудь. Когда же она была близ кого-либо, столь куртуазным становилось сердце его, что он не смел ни поднять глаз, ни ответить на ее приветствие; об этом многие испытывавшие это могли бы свидетельствовать тем, кто не поверил бы моим словам. Увенчанная смирением, облаченная в ризы скромности, она проходила, не показывая ни малейших знаков гордыни. Многие говорили, когда она проходила мимо: "Она не женщина, но один из прекраснейших небесных ангелов". А другие говорили: "Это чудо; да будет благословен Господь, творящий необычайное". Я говорю, что столь благородной, столь исполненной всех милостей она была, что на видевших ее нисходили блаженство и радость; все же передать эти чувства они были не в силах. Никто не мог созерцать ее без воздыхания; и ее добродетель имела еще более чудесные воздействия на всех. Размышляя об этом и стремясь продолжить ее хваления, я решился сложить стихи, в которых помог бы понять ее превосходные и чудесные появления, чтобы не только те, которые могут ее видеть при помощи телесного зрения, но также другие узнали о ней все то, что в состоянии выразить слова. Тогда я написал следующий сонет, начинающийся: "Приветствие владычицы благой..."

Приветствие владычицы благой
Столь величаво, что никто не смеет
Поднять очей. Язык людской немеет,
Дрожа, и все покорно ей одной.
Сопровождаемая похвалой,
Она идет; смиренья ветер веет.
Узрев небесное, благоговееет,
Как перед чудом, этот мир земной.
Для всех взирающих -- виденье рая

И сладости источник несравненный.
Тот не поймет, кто сам не испытал.
И с уст ее, мне виделось, слетал
Любвеобильный дух благословенный
И говорил душе: "Живи, вздыхая!"

То, что рассказывается в этом сонете, столь понятно, что он не нуждается в разделении на части. Оставляя его, я скажу, что моя дама снискала такое благоволение людей, что они не только ее восхваляли и почитали, но благодаря ей были хвалимы и почитаемы всеми многие дамы. Видя это и стремясь сообщить об этом тем, кто не видел ее своими глазами, я начал складывать благовествующие слова и написал второй сонет, начинающийся: "Постигнет совершенное спасенье..."; он повествует о ней и о том, как ее добродетель проявлялась в других, что и станет ясно из его разделения.

Постигнет совершенное спасенье
Тот, кто ее в кругу увидит дам.
Пусть воздадут Творцу благодаренье
Все сопричастные ее путям.
Ты видишь добродетели явленье
В ее красе, и зависть по следам
Мадонны не идет, но восхищенье
Сопутствует ее святым вестям.
Ее смирение мир преобразило.
И похвалу все спутницы приемлют,
Постигнув свет сердечной глубины,
И, вспомнив то, что смертных поразило
В ее делах, высоким чувствам внемлют,-
Вздыхать от сладости любви должны.

Этот сонет содержит три части: в первой я говорю, в каком обществе моя дама казалась особенно чудесной; во второй я сообщаю о благотворном ее воздействии на пребывающих с ней; в третьей -- о благостном ее проявлении в других. Вторая часть начинается так: "Пусть воздадут..."; третья: "Ты видишь добродетели явленье..." Последняя часть имеет три раздела: в первом я говорю о прямом ее воздействии на души дам; во втором -- о косвенном, при посредстве других; в третьем я повествую о ее чудесном влиянии не только на дам, но и на всех людей, и не только на тех, кто находится поблизости от нее, и говорю о власти

воспоминаний о ней. Второй раздел начинается так: "Ее смирение..."; третий: "...и вспомнив то..."

XXVII

Однажды я начал размышлять о том, что я сказал о моей даме в двух предыдущих сонетах. Видя в мыслях моих, что я ничего не сказал о том, как она воздействует на меня в настоящее время, я подумал, что речь моя не была в достаточной степени совершенной. Поэтому я решил сложить слова, в которых я выразил бы, в какой степени я расположен к восприятию ее влияния и как проявляется во мне ее добродетель. Полагая, что я не смогу поведать об этом в кратком сонете, я приступил к написанию канцоны, начинающейся: "О, столько лет..."

О, столько лет мной Бог любви владел!
Любовь меня к смирению приучала,
И если был Амор жесток сначала,
Быть сладостным он ныне захотел.
Пусть духи покидали мой предел
И пусть душа во мне ослабевала,
Она порою радость излучала,
Но взор мой мерк и жизни блеск слабел.
Амора власть усилилась во мне.
Царил он в сердце, духов возбуждая,
И духи, покидая
Меня, Мадонну славили во мне.
Я взор встречал, исполненный сиянья
Смиренного ее очарованья.

XXVIII

"Quomodo sedet sola civitas plena populo! Facta est quasi vidua domina gentium..." Я только начинал эту канцону и успел закончить лишь вышеприведенную станцу, когда Владыка справедливости призвал благороднейшую даму разделить славу Его под знаменем благословенной королевы Девы Марии, Чье имя столь превозносилось в словах блаженной Беатриче. Не отрицая того, что следовало бы в настоящее время рассказать хотя бы немного о том, как она покинула нас, я не собираюсь говорить об этом здесь по трем причинам: во-первых, потому, что это не входит в мои намерения, что станет ясным, если мы обратимся к вступлению к

этой малой книге; во-вторых, если бы даже я и решился сказать о происшедшем, язык мой не был бы в состоянии повествовать так, как надлежит; в-третьих, если бы даже отпали первые две причины, мне не приличествует говорить об этом, так как я стал бы превозносить самого себя, что особенно заслуживает порицания; поэтому я предоставляю эту тему другому комментатору. Так как число "девять" встречалось нередко в словах моих и раньше, уместно будет, как мне кажется, отметить, что в ее отбытии это число имело большое значение, и поэтому надлежит сказать и здесь то, что соответствует моему намерению. Поэтому прежде всего я скажу, какую роль число "девять", столь ей дружественное, играло в ее успении.

XXIX

Я говорю, что, если считать по обычаю Аравии, ее благороднейшая душа вознеслась в первый час девятого дня месяца; а по счету, принятому в Сирии, она покинула нас в девятом месяце года, ибо первый месяц там Тизирий первый, называемый у нас октябрём; а по нашему исчислению, она ушла в том году нашего индикта, считая от Рождения Господня, когда совершенное число завершилось девять раз в том столетии, в котором суждено ей было пребывать на этом свете, она же принадлежала к роду христиан тринадцатого века. Причина, по которой число "девять" было особенно ей любезно, быть может, следующая: согласно с Птолемеем и христианской истиной девять -- число движущихся небес, а, согласно с общим мнением астрологов, упомянутые небеса влияют на дольний мир в соответствии с их взаимной связью; отсюда следует, что число это было столь ей свойственно, ибо при ее зачатии все девять небес находились в совершеннейшей взаимной связи. Вот одна из причин; но, рассудив утонченнее и не отступив от непреложной истины, число это было ею самой; я говорю о сходстве по аналогии и так понимаю. Число "три" является корнем девяти, так как без помощи иного числа оно производит девять; ибо очевидно, что трижды три -- девять. Таким образом, если три способно творить девять, а Творец чудес в Самом Себе -- Троица, то есть Отец, Сын и Дух Святой -- три в одном, то следует заключить, что эту даму сопровождало число "девять", дабы все уразумели, что она сама -- девять, то есть чудо, и что корень этого чуда -- единственно чудотворная Троица. Быть может, более утонченные в мыслях люди смогли бы прибегнуть к еще более сложным доводам, однако я привожу тот, который пришел мне на ум и который наиболее мне нравится.

XXX

Когда она покинула этот век, весь упомянутый город предстал глазам как вдовица, лишенная всякого достоинства. Еще исходя слезами в опустошенном городе, я написал к земным владыкам о его состоянии, взяв следующее начало у Иеремии: "Quomodo sedet sola civitas". И я говорю это, чтобы не удивлялись, почему я привожу эту цитату в начале, как введение в новое содержание. И если кто-либо счел нужным укорять меня за то, что я не записываю здесь те слова, которые последовали за приведенными, в оправдание свое скажу, что с самого начала я решился писать только на языке народном, слова же письма, начало которого я привел, все латинские, и, воспроизводя их, я нарушил бы то, что предполагал сделать. Таково было мнение и первого моего друга, для которого я пишу, то есть чтобы я писал для него лишь на языке народном.

XXXI

Глаза мои изо дня в день проливали слезы и так утомились, что не могли более облегчить мое горе. Тогда я подумал о том, что следовало бы ослабить силу моих страданий и сложить слова, исполненные печали. И я решился написать канцону, в которой, жалуясь, скажу о той, оплакивая которую я истерзал душу. И я начал канцону: "Сердечной скорби..." И чтобы канцона эта, когда она будет закончена, еще более уподобилась неутешной вдовице, я разделю ее прежде, чем запишу; так я буду поступать и впредь.

Я говорю, что несчастная эта канцона имеет три части: первая служит вступлением; во второй я повествую о моей даме; в третьей я говорю, преисполненный сострадания, обращаясь к самой канцоне. Вторая часть начинается так: "На небе...", третья: "Рыдая, скорбная, иди, канцона!" Первая часть делится на три: в первом разделе я объясняю, что побудило меня высказаться; во втором я говорю, к кому я обращаюсь; в третьем открываю, о ком я хочу поведать. Затем, когда я произношу: "На небе..." -- я говорю о ней в двух частях: сначала я показываю причину, по которой она была взята от нас; затем -- как люди оплакивают ее уход; эта часть начинается так: "Покинуло..." Она делится на три: в первой я говорю о тех, кто о ней не плачет; во второй -- о тех, кто плачет; в третьей открываю мое внутреннее состояние. Вторая начинается так: "Но тот изнемогает..."; третья: "Я изнемог от тяжких воздыханий..." Затем, когда я произношу: "Рыдая, скорбная, иди, канцона!" -- я обращаюсь к самой канцоне, указывая ей тех дам, к которым я хочу, чтобы она пошла, чтобы остаться вместе с ними.

Сердечной скорби тайные рыдания

Глаза омыли. Жизнь свою казня,
Я слышу только горестные звуки.
И чтоб освободиться от страданья,
Что к смерти медленно влечет меня,
Пусть прозвучит мой голос, полный муки.
Лишь дамам благородным до разлуки
Я рассказал, как даме я служил.
О дамы благородные, я с вами
Не говорил словами
Иными, чем я в честь нее сложил.
Еще промолвлю с влажными глазами:
Рассталась дама с участью земною,
И ныне Бог любви скорбит со мною.
На небе слышны ликования звуки,
Где ангелов невозмутим покой.
И позабыли мы об утешенье.
Не холод был причиною разлуки,
Не пламя -- как случилось бы с другой,-
Но таково ее благоволение.
Благовествуют кротость и смирение
Ее лучи, пронзив небес кристалл.
И, с удивленьем на нее взирая,
Ее в обитель рая
Владыка вечности к Себе призвал,
Любовью совершенною пылая,
Затем, что жизнь так недостойна эта,
Докучная, ее святого света.
Покинуло прекрасное светило
Наш мир, исчезла радость первых дней,
В достойном месте пребывает ныне.
В том сердце каменеет, в том застыло
Все доброе, кто, говоря о ней,
Не плачет в одиночества пустыне.
Не может сердце, чуждое святыне,
Хоть что-либо о ней вообразить,
Умильным даром слез не обладает.
Но тот изнемогает

В рыданиях, утончая жизни нить,
И утешенья в горести не знает,
Кто видел, как земным она явилась
И как на небесах пресуществилась.
Я изнемог от тяжких воздыханий,
И в отягченной памяти встает
Та, что глубоко сердце поразила
Мое. Я думаю о смерти ранней,
Она одна надежду мне дает,
Она мой бледный лик преобразила.
Когда фантазии жестокой сила
Меня охватывает, мук кольцо
Сжимается, невольно я рыдаю,
Мне близких покидаю,
Стремясь сокрыть смущенное лицо.
И к Беатриче, весь в слезах, взываю:
"Ты умерла? Ты позабыла землю!"
И благостному утешенью внемлю.
И вновь один, оставив все земное,
Источник жизни в сердце я пресек.
Услышавший меня лишь муки множит.
Забыл, мне кажется, я все иное
С тех пор, как дама в обновленный век
Вступила. И никто мне не поможет.
Напрасно, дамы, голос ваш тревожит
Меня. Как странный облик мой возник,
Не ведаю. Живу наполовину
И в лютой муке стыну.
Увидя этот искаженный лик,
Мне каждый скажет: "Я тебя покину!"
И пусть отвержена моя унылость,
Владычицы я ожидаю милость!
Рыдая, скорбная, иди, канцона!
Девиц и дам ты обретешь благих.
Дары сестер твоих
Гармонией в них радость возбуждали.
А ты, дитя певучее печали,

О неутешная, пребудь средь них.

XXXII

Когда была написана эта канцона, пришел ко мне один человек, который, следуя степеням дружбы, являлся вторым другом моим, непосредственно после первого. Он приходился столь близким родственником по крови преславной даме, что не было родственника более близкого. После того как он в продолжение некоторого времени беседовал со мною, он попросил меня, чтобы я сочинил стихи в честь одной умершей дамы; слова его были темны, так что можно было подумать, что он говорил о другой, также покойной даме. Тогда я, убедившись в том, что он думает лишь о благословенной, обещал ему написать то, что он просил. Размышляя затем над этим, я решился написать сонет, в котором я мог бы до некоторой степени выразить и свои жалобы и пени, и дать его другу моему, так чтобы показалось, что он написан для него. Тогда я сложил сонет, начинающийся: "Пусть скорбь моя..." Он содержит две части. В первой я призываю верных Амору, меня разумеющих; во второй повествую о состоянии моем, вызывающем жалость. Вторая часть начинается так: "Мой каждый вздох..."

Пусть скорбь моя звучит в моем привете,-
Так благородным надлежит сердцам.
Мой каждый вздох спешит навстречу к вам.
Как жить, не воздыхая, мне на свете!
Глаза мои передо мной в ответе -
Я лил бы слезы чаще, знаю сам.
Оплакиваю лучшую из дам,
Чтоб душу в грустном облегчить сонете.
И призывают часто воздыханья
Ту, что в чертог небесный отошла,
В высокие небесные селенья,
Чтоб презрела мирские все дела
Моя душа в объятиях страданья,
Лишенная блаженства и спасенья.

XXXIII

Закончив сонет, я стал размышлять о том, кому он предназначен и под чьим именем должен появиться. Тогда я понял, что услуга моя была скаредна и незначительна, ибо я писал для лица, связанного столь тесными узами родства с преславной дамой. Поэтому, прежде чем дать ему сонет, я написал две станцы

канцоны: одну действительно для него, а другую для себя, хоть и кажется, если не вглядываться внимательнее, что обе сложены для одного лица; но тот, кто пристальнее проникнет в смысл, увидит, что там говорят разные лица: один не называет эту даму своей дамой, другой же называет, как это всем ясно.

Я дал ему и сонет и канцону, сказав, что написал их для него.

Канцона начинается: "Который раз -- увы!.." -- и содержит в себе две части: в первой, то есть в первой станце, выражает скорбь этот дорогой моему сердцу друг, ближайший родственник моей дамы; во второй я сам ее оплакиваю; она начинается: "Незримо порождают вздыханья..." Итак, ясно, что в этой канцоне горько скорбят два лица: один -- как брат, другой -- как слуга.

Который раз -- увы! -- припоминаю,
Что не смогу увидеть
Прекрасную. В сердечной глубине
Лишь злую скорбь и горечь ощущаю.
Твержу наедине:
"Ты эту жизнь должна возненавидеть,
Душа, могла бы ты предвидеть
Все треволненья и отсель уйти.
К печальным дням не простирай объятия".
И Смерть готов призвать я,
Обитель тихую и цель пути.
"Приди ко мне!" -- душа моя взывает,
И тем завидую, кто умирает.
Незримо порождают вздыханья
Рыдающие звуки.
Я Смерти власть, печальный, возлюбил.
Лишь к ней одной летят мои желанья
С тех пор, как поразил
Мадонну гнев ее. Всю жизнь на муки
Я осужден. И в горести разлуки
Ее красу не видит смертный взор.
Духовною она красою стала
И в небе воссияла,
И ангелов ее восславил хор.
Там вышних духов разум утонченный
Дивится, совершенством восхищенный.

XXXIV

В тот день, когда исполнился год с тех пор, когда моя госпожа стала гражданкой вечной жизни, я сидел, вспоминая о ней, и рисовал ангела на табличках. Оторвавшись от рисунка, я поднял глаза и увидел рядом с собою людей, которым надлежало воздать честь. Они смотрели на мою работу. И как мне было сказано потом, они пребывали там уже в течение некоторого времени, прежде чем я их заметил. Когда я их увидел, я встал и, приветствуя, сказал им: "Некое видение пребывало со мной, и я весь был погружен в мысли". Когда ушли эти люди, я вернулся к моему занятию и снова стал рисовать ангела. И за работой мне пришло в голову сочинить стихи как бы к годовщине, обратясь к тем, кто посетил меня. Тогда я написал сонет, начинающийся: "Явилась мне..." У него два начала, и я разделю его сообразно с одним и с другим.

Следуя первому началу, сонет имеет три части: в первой я говорю, что дама пребывала здесь, в моей памяти; во второй я открываю, как Амор отвечал во мне; в третьей части я показываю воздействие владыки на меня. Вторая начинается так: "Амора слыша в сердце..."; третья -- словами: "Так вздохи..." Эта часть имеет два подраздела: в первом сказано, что все вздохи, исходившие от меня, разговаривали; во втором -- что некоторые из них несли с собою слова, отличные от слов других. Второй начинается: "Твердили мне..." С другим началом сонет делится так же, за исключением того, что там я обозначаю, когда появилась эта дама в моей памяти, о чем не сказано в первом.

Первое начало:

Явилась мне в часы уединенья
Покинувшая скорбный мир земной.
Она причастна участи иной
Там, где Мария, в небесах смиренья.

Второе начало:

Явилась мне в часы уединенья -
Ее Амор оплакивал со мной.
Вы видели рисунок быстрый мой,
Склонились у ее изображенья.
Амора слыша в сердце проявленья,
Она предстала в памяти живой.
"Идите!" -- говорил Амор порой
Печальным вздохам, полным нетерпенья.

Так вздохи, оставляя скорбный свод
Моей груди, вновь слезы порождали.
И те, что, ей хваления слагая,
Измученное сердце покидали,
Твердили мне: "Сегодня минул год,
Как ты на небе, о душа благая".

XXXV

По прошествии известного времени я находился в некоем месте, где предавался воспоминаниям о прошлом. Я был весь погружен в мысли столь скорбные, что друзьям лицо мое должно было показаться измученным и искаженным. Тогда, осознав мое мучительное состояние, я поднял глаза, чтоб увидеть -- видят ли меня. Тогда я заметил некую благородную даму, юную и прекрасную собой, которая смотрела на меня из окна с таким сожалением, что казалось, что все сожаление в мире нашло в ней свое прибежище. И так как несчастные, видя сострадание других, почувствовавших их муки, легче уступают приступам слез, как бы сожалеев самих себя, я ощутил в моих глазах желание пролить слезы. Но, боясь показать жалкое состояние моей жизни, я удалился от очей этой благородной дамы, говоря самому себе: "Не может быть, чтобы с этой сострадательной дамой не находился бы благороднейший Амор". Поэтому я решился написать сонет, в котором я говорил бы о ней, заключив в нем все, что я изложил в этом комментарии. Итак, из этого вступления вполне ясен смысл сонета. Сонет начинается: "Я видел, как глубоко..."

Я видел, как глубоко состраданье
Запечатлел ваш милосердный лик,
Когда, смущенный, долу я поник
Во власти скорбного воспоминанья.
И понял я, что грустное мечтанье
Не чуждо вам, но был мой страх велик,
Что выдадут глаза то, что привык
Скрывать в моем печальном состоянье.
Я вас бежал, о госпожа младая,
И был слезами увлажнен мой взор.
Глубины сердца образ ваш смутил.
Тут голос внутренний проговорил:
"Поистине с ней вместе был Амор.
Он побудил тебя идти, рыдая".

XXXVI

Случилось затем, что, где бы меня ни увидела эта дама, бледный цвет сострадания запечатлевался на ее лице -- как бы цвет любви являлся на ее ланитах. Она нередко напоминала мне мою благороднейшую даму, которой был свойствен этот цвет. Часто, не в силах плакать и рассеять свои печали, я отправлялся, чтобы увидеть сострадательную даму; она же, казалось, видом своим извлекала слезы из глаз моих. Поэтому я решился сложить стихи о ней и написал следующий сонет, начинающийся: "И цвет любви..." Он ясен из предыдущих слов и не требует разделений.

И цвет любви, и благодать сожаленья
Ваш лик скорбящий мне не раз являл.
Он милосердием таким сиял,
Что на земле не нахожу сравненья.
Я созерцал чудесные явления.
Ваш грустный взор мой скорбный взор встречал.
И голос трепетный во мне звучал -
Вот сердце разорвется от волненья.
Ослабленным глазам я воспретить
Не мог глядеть на вас. Мои печали,
Как прежде, восстают из глубины.
Не вы ль меня к рыданьям побуждали?
Глаза мои стремятся слезы лить,
Но перед вами плакать не вольны.

XXXVII

Облик этой дамы произвел такое на меня впечатление, что глаза мои начали испытывать слишком сильное наслаждение, когда они ее видели. Это меня огорчало, и я почитал себя низким. Не раз я упрекал в легкомыслии свои глаза и говорил им мысленно: "Когда-то вы заставляли плакать видящих ваше скорбное состояние, а теперь, кажется, вы стремитесь забыть об этом из-за дамы, вас созерцающей; она же глядит на вас лишь потому, что глубоко сожалеет о преславной даме, которую вы обычно оплакиваете; что же, продолжайте поступать так, как желаете, я сумею часто напоминать вам о ней, проклятые глаза, и помните, никогда до самой смерти ваши слезы не должны иссякнуть". Так про себя я говорил моим глазам, и глубокие скорбные вздохи снова не давали мне покоя. И чтобы битва моя с самим собой не была известна только несчастному, ее ощущающему, я решился поведать в сонете об ужасном моем

состоянии. Тогда я написал сонет, начинающийся: "Глаза мои..." Он содержит две части: в первой я говорю моим глазам то, что сердце мое говорит во мне; во второй я предвосхищаю возможное сомнение, пояснив, кто так говорит. И эта часть начинается: "Так сердце..." Сонет этот можно было бы подвергнуть дальнейшему разделению, однако оно было бы излишним, так как смысл его ясен из предыдущего изложения.

Глаза мои печальные, не вы ли
Меня к скорбям столь длительно вели?
Другие люди -- видеть вы могли,-
Вам сострада, часто слезы лили.
Мне кажется, что вы ваш долг забыли,
Я не предатель на путях земли,
И я хочу, чтоб слезы унесли
Беспамятство, чтоб вы одной служили.
Но ваша суета меня смутила.
Я взоров опасаюсь той жены
Прекрасной, что порой на вас глядит.
Глаза мои до смерти не должны
Забывать о вашей даме, что почил!
Так сердце, воздыхая, мне твердит.

XXXVIII

Я видел вновь и вновь лицо сострадательной дамы в столь необычном виде, что часто думал о ней как об особе, слишком мне нравящейся. "Эта благородная дама,-- размышлял я,-- прекрасная, юная и мудрая, появлялась, как можно судить, по воле Амора, чтобы в жизни моей я нашел отдохновение". И часто я думал еще более влюбленно, так что сердце мое все глубже воспринимало доводы этой мысли. И когда я уже был вполне готов с ними согласиться, я снова погружался в раздумье, как бы движимый самим разумом, и говорил самому себе: "Боже, что это за мысль, которая столь постыдно хочет меня утешить и почти не допускает иную мысль?" Затем восставала другая мысль и говорила: "В таком мучительном состоянии ты находишься, почему не хочешь освободиться от скорбей? Ты видишь -- это наваждение Амора, приводящего к нам любовные желания. Амор исходит из столь благородного места, каким являются очи дамы, показавшей столь великое ко мне сострадание". Так я, борясь с самим собой, хотел выразить мое душевное состояние в стихах. И так как в столкновении моих мыслей побеждали те, которые говорили в ее пользу, мне показалось, что мне следует к

ней обратиться. Тогда я написал сонет, который начинается: "Благая мысль..." И я говорю "благая", поскольку мысль эта говорила о благородной даме, хотя в остальном была она весьма низкой.

В этом сонете я делю самого себя на два начала, следуя раздвоению моих мыслей. Одну часть я называю сердцем, то есть желанием, другую -- душою, то есть разумом, и передаю разговор одного с другой. И что уместно называть желание -- сердцем, а разум -- душою, достаточно ясно тем, которые -- как мне угодно и приятно -- смогут проникнуть в смысл этих стихов. Верно, что в предыдущем сонете я защищал стремления сердца против стремления глаз, и это, кажется, противоречит тому, о чем я пишу в настоящее время. Поэтому я уточняю и говорю, что в предыдущем сонете я равным образом понимал под сердцем -- стремление, ибо сильнее было тогда во мне желание предаваться воспоминаниям о благороднейшей даме, чем желание лицезреть другую, хотя уже тогда я ощущал, правда в слабой степени, и это желание. Отсюда видно, что одно высказывание не противоречит другому.

Этот сонет имеет три части: в первой я говорю, обращаясь к этой даме, о том, как все мои желания устремлены к ней; во второй -- о том, как душа, то есть разум, обращается к сердцу, то есть к вожделению; в третьей я привожу ответ сердца душе. Вторая начинается так: "Душа узнать стремится..."; третья -- так: "Душа задумчивая..."

Благая мысль мне говорит пристрастно
О вас, пленившей дни мои и сны.
Слова любви столь сладости полны,
Что сердце, кажется, со всем согласно.
Душа узнать стремится ежечасно
У сердца: "Как с тобою пленены?
Зачем лишь ей одной внимать должны?
Слова иные изгоняешь властно!"
"Душа задумчивая,-- говорит
Ей сердце,-- это дух любви нам новый;
Он мне, таясь, открыл свое желанье.
А добродетели его основы
В очах прекрасных той, что нам сулит
И утешение, и состраданье".

Наступил день, когда против этого неприятеля разума поднялось во мне почти в час ноны могущественное видение. Мне казалось, что предо мной преславная Беатриче, в том же одеянии кроваво-красного цвета, в котором она впервые явилась моим глазам, и казалось мне -- она в том отроческом возрасте, в котором я узрел ее впервые. Тогда я погрузился в мысли о ней и вспоминал ее, следуя смене прошедших времен. Сердце мое начало мучительно раскаиваться в желании, столь низменно мною завладевшем в течение нескольких дней, несмотря на постоянство моего разума. Когда же скверное желание это было изгнано, все мысли мои обратились снова к благороднейшей Беатриче. И я говорю, что с тех пор я начал с такой силой думать о ней всем моим устыженным сердцем, что вздохи часто свидетельствовали об этом, ибо все они повествовали о том, что говорило сердце, повторявшее имя Благороднейшей, и о том, как она покинула нас. Случалось, что такую скорбь таила в себе иная мысль, что я забывал и ее, и место, где я находился. Этот новый пожар моих воздыханий воспламенил некогда утихшие рыдания, так что глаза мои, казалось, желали лишь плакать. И часто случалось, что из-за длительной привычки проливать слезы образовались вокруг моих глаз пурпурные венцы, которые обычно появляются у тех, кто перенес мучения. Легкомыслие моих глаз, таким образом, было наказано, как они и заслуживали, так что с тех пор они не могли глядеть на даму, которая снова могла бы ввергнуть их в подобное состояние. Стремясь к тому, чтобы это дурное желание и это тщетное искушение были уничтожены так, чтобы ни малейшего сомнения не вызывали до этих пор написанные мною стихи, я решился написать сонет, в котором я выразил бы смысл этого комментария. И тогда я написал сонет: "Не одолеть мне силу воздыханья"; и в нем я сказал "увы", ибо мне было стыдно за то, что глаза мои столь заблуждались.

Этот сонет я не делю, поскольку, как очевидно, он в этом не нуждается.

Не одолеть мне силу воздыханья -
Мне каждое -- увы! -- не удержать,-
Глаза побеждены и созерцать
Не могут видящих их состоянье.
В моих глазах теперь лишь два желанья:
Лить слезы и страданье показать.
Амор на них кладет свою печать -
Вокруг венцы от горечи рыданья.
Так помыслы, исполненные муки,
Упорствуют и в сердце восстают.

И Бог любви измучен их тоской.
Но скорбные рыдают и поют:
Мадонны имени в них слышны звуки
И много слов о смерти всеблагой.

XL

После этих треволнений в тот период времени, когда многие странствуют, чтобы увидеть благословенное изображение, оставленное нам Иисусом Христом как свидетельство о прекраснейшем Его лице, который ныне созерцает моя дама в своей славе, случилось, что пилигримы проходили по одной из улиц, которая находится почти посредине того города, где родилась, жила и умерла благороднейшая дама. Пилигримы шли, как мне казалось, погруженные в размышления. Думая о них, я сказал самому себе: "Мнится мне, что эти пилигримы из дальних стран и вряд ли они слышали даже рассказы об этой даме и ничего о ней не знают. Мысли их заняты другим, а не тем, что здесь происходит. Вероятно, они думают о дальних своих друзьях, нам неведомых". Затем я говорил самому себе: "Знаю, что, если бы они были из ближней страны, в их облике так или иначе отразилось бы их смущение, когда они проходят посреди скорбного города". Затем я говорил самому себе: "Если бы я мог задержать их хотя бы на короткое время, я бы вызвал слезы в их глазах прежде, чем они покинут этот город, так как сказал бы слова, которые заставили бы плакать всякого, их услышавшего". Затем, когда они исчезли с глаз моих, я решился сложить сонет, чтобы выразить то, что я говорил про себя. И, желая с большей силой вызвать сострадание, я задумал написать его так, как будто бы я в действительности обращался к пилигримам. Тогда я написал сонет, начинающийся: "Задумчиво идете, пилигримы..." И я говорю "пилигримы", следуя широкому смыслу этого слова. Известно, что слово "пилигримы" может иметь более широкое и более узкое значение. В широком смысле "пилигримом" называется всякий пребывающий вне своей родины; в узком смысле "пилигримами" называются лишь те, кто идут к дому Святого Иакова или оттуда возвращаются. Следует знать, что существует три названия для тех людей, которые путешествуют для служения Всевышнему: они называются "пальмоносцами", так как они отправляются в заморские пределы и часто приносят оттуда пальмовые ветви; они называются "пилигримами", когда идут в Галисию, так как гробница Святого Иакова находится дальше от его отечества, чем усыпальницы других апостолов; они называются "ромеями", направляясь в Рим,-- туда и шли те, кого я называю "пилигримами".

Этот сонет я не делю, ибо он достаточно ясен из предпосланного ему толкования.

Задумчиво идете, пилигримы,
И в ваших мыслях чуждые края.
Вы миновали дальние моря,
В скитаниях своих неутомимы.
Не плачете, неведением хранимы,
Проходите, все чувства затая,
А всех людей пленила скорбь моя,
Печали их -- увы! -- неутолимы.
Но если б захотели вы внимать
Тем вздохам сердца, что всечасно внемлю,
Оставили б, рыдая, град скорбей.
Покинуло блаженство эту землю,
Но то, что можем мы о ней сказать,
Источник слез исторгнет из очей.

XLI

Затем две благородные дамы попросили меня послать им мои стихи. Думая об их достоинствах, я решился написать для них нечто новое и послать новые мои стихи вместе с другими произведениями; таким образом я надеялся с большими почестями удовлетворить их просьбу. Тогда я сложил сонет, повествующий о моем состоянии, и послал им его с предыдущим сонетом и тем, что начинается: "Пусть скорбь моя звучит в моем привете..."

Сонет, мною тогда сочиненный, я начал так: "За сферою..." Он содержит пять частей. В первой части я открываю, куда направляется мой помысел, именовав его одним из его проявлений. Во второй я говорю, почему поднимается он столь высоко, то есть о том, кто его возносит. Из третьей явствует, что я видел, так как я упомянул о некой даме, которой воздается честь на небесах. И тогда я называю мой помысел "духом-пилигримом", ибо духовно восходит он горй и, как пилигрим, покинув свою родину, остается в горних пределах. В четвертой части я говорю, что он видел ее в таком измененном облике, что я не смог уразуметь его рассказа. Должно понять, что помысел мой вознесся, дабы постичь достоинства благороднейшей дамы, на такую высоту, что разум мой не дерзнул за ним последовать. Поистине наш разум в сравнении с присноблаженными душами не более как слабое око в сравнении с солнцем; об этом говорит Философ во второй книге своей "Метафизики". В пятой части повествуется, что я не в силах был

уразуметь, куда влечет меня мой помысел, а также проникнуть в чудесные свойства моей дамы,-- я понял лишь одно: что этот помысел заключил в себе образ моей дамы, ибо я непрестанно слышу в сердце своем ее имя. В конце пятой части я говорю "дамы дорогие", чтобы понятно было, к кому я обращаюсь. Вторая часть начинается так: "И в сердце..."; третья: "И, достигая область вожделенья..."; четвертая: "Не понял я..."; пятая: "В моей душе скорбящей..." Необходимо еще тщательнее подвергнуть делению этот сонет и утонченнее объяснить его; все же, думается мне, можно удовлетвориться этим истолкованием, поэтому я не буду утруждать себя дальнейшими подразделениями.

За сферою предельного движенья
Мой вздох летит в сияющий чертог.
И в сердце скорбь любви лелеет Бог
Для нового Вселенной разуменья,
И, достигая область вожделенья,
Дух-пилигрим во славе видеть мог
Покинувшую плен земных тревог,
Достойную похвал и удивленья.
Не понял я, что он тогда сказал,
Столь утонченны, скрытны были речи
В печальном сердце. Помыслы благие
В моей душе скорбящей вызывал.
Но Беатриче -- в небесах далече -
Я слышал имя, дамы дорогие.

XLII

После этого сонета явилось мне чудесное видение, в котором я узрел то, что заставило меня принять решение не говорить больше о благословенной, пока я не буду в силах повествовать о ней более достойно. Чтобы достигнуть этого, я прилагаю все усилия, о чем она поистине знает. Так, если соизволит Тот, Кем все живо, чтобы жизнь моя продлилась еще несколько лет, я надеюсь сказать о ней то, что никогда еще не было сказано ни об одной женщине. И пусть душа моя по воле владыки куртуазии вознесется и увидит сияние моей дамы, присноблаженной Беатриче, созерцающей в славе своей лик Того, "qui est per omnia saecula benedictus".

[Данте Алигьери](#), 1295

Электронная библиотека «Оригинал» - Классическая литература на языке оригинала и переводы на иностранные

языки <http://originalbook.ru>